

45

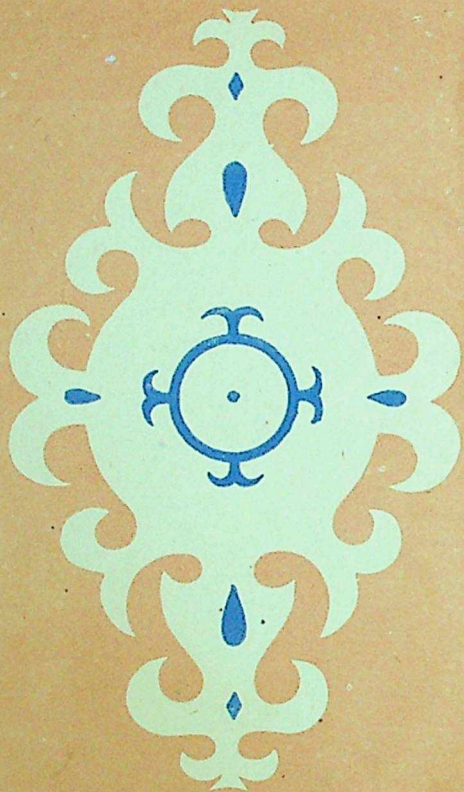
В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

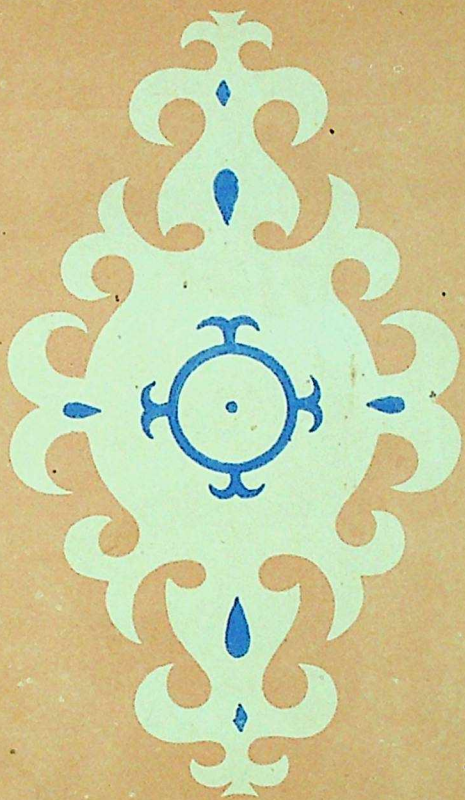
КАЛИМЫЧЕНЕ
ИЗДАНИЕ

С(2)прд

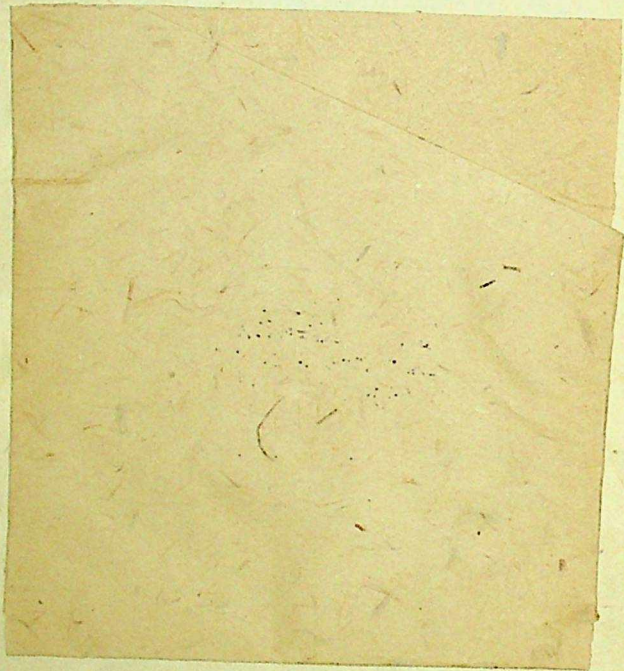
В-11

09
~~55467~~

С(2)прад
В-11

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

сборник
КАЛМЫЦКИХ
ПЬЕС

М

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-
исследовательского
ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

1940
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Ленинград—Москва

48/2007/198/198
10006/

ХИМИКА
И
МАТЕМАТИКА

1950 г.

52884-40
А-4826

Инв. аб. 25376
1947

1944

10.5.50

Предисловие

Прошлое Калмыкии — тяжелая и мрачная страница в истории ее народа. Почти триста лет калмыцкий народ находился под двойным гнетом русского царизма и местных кулаков, пойонов, зайсангов и лам, на которых опиралось царское правительство в своей колонизаторской политике.

Великая Октябрьская революция освободила трудящихся калмыков из бездны нищеты, рабства, голода.

За короткий исторический срок советская Калмыкия стала неузнаваемой. Население бросило кочевую жизнь. Выросли промышленные и культурные центры. Быстрыми темпами развивается социалистическое сельское хозяйство. Расцветает культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Выросли новые замечательные советские люди, новые кадры строителей социализма. Народ Калмыкии зажил радостной, зажиточной и культурной жизнью.

До Октябрьской революции у калмыков не было ни одного своего театра. Отсталый, обреченный царской колониальной политикой на вымирание калмыцкий народ даже не мог и мечтать о своем национальном театре. Не было в Калмыкии до революции ни своих художников, ни музыкантов.

Первый самодеятельный театр был организован в 1920 году из демобилизованных красноармейцев-калмыков. Актеры сами сочиняли пьесы, разоблачающие князьков-нойонов, зайсангов и прочих эксплуататоров народа. Все это было еще очень наивно и несовершенно.

Лишь в 1936 году в Калмыцкой АССР был организован первый Государственный калмыцкий театр. Артистические кадры театра были набраны из студентов Калмыцкого техникума искусства. За годы существования театр сумел завоевать уважение и любовь народа. Больше тридцати тысяч зрителей просмотрели постановки пьес национальных драматургов, современные советские пьесы, а также пьесы русских и западных классиков. Но одного театра для республики мало. Так возникла идея открыть театральную студию при московском Государственном институте театрального искусства. Окончив эту студию, калмыцкая молодежь составит труппу второго государственного театра Калмыкии.

В республике существует и работает Государственный калмыцкий ансамбль песни и пляски, организо-

ванных. в 1937 году. Большинство актеров ансамбля бывшие колхозники, рабочие и служащие — талантливые участники художественной самодеятельности.

До 1648 года калмыки не имели своей письменности; после появления ее калмыцкая литература того времени ограничивалась главным образом религиозным содержанием и переводами с санскритского и тибетского языков. Письменной художественной литературы у калмыков не было.

После того, как в 40-х годах XV столетия калмыцкий народ под водительством замечательного полководца Эсена одержал победу над своими врагами, наступил век расцвета, или, как ученые называют этот период в истории ойратов (калмыков), блистательный период. Он был ознаменован небывалым подъемом национального самосознания. Эта кратковременная эпоха первой калмыцкой государственности была отмечена величайшим литературным памятником — «Джангариадой».

Основная идея этого эпического произведения — идея единения и счастья народа. Служение народу — вот единственная цель героев «Джангра», ненависть к врагам народа — характерная черта героев. В чудесной присяге богатырей, известной каждому калмыку, особенно ярко выражена эта идея:

Жизни свои острию копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим.
Да отрешимся от зависти, от похвальбы,

От затаенной вражды, от измен, от алчбы.
Груди свои обнажим и вынем сердца
И за народ отдадим нашу кровь до конца.
Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать.
И да не будет коня у него, что не мог
Вихрем взлететь на самый высокий отрог.
Да никогда никому бы не страшна была
Сила железа, каленного добела.
И да не будет страшна никому никогда
Рассвирепевшего океана вода.
И да не сыщется никогда силача,
Что убоился бы ледяного меча.
И да пребудем бойцами правдивыми мы.
И да пребудем всегда справедливыми мы¹.

Герои «Джангра» живут в необыкновенной стране Бумбе. В этой стране знают только весну. Здесь живут вечно двадцатипятилетними и никогда не умирают. Здесь достаток и изобилие. Люди этой страны живут, исполненные счастьем, «ничего не деля на мое и твое». Страна эта описывается в эпосе так:

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы свои
Жаворонки сладкогласные и соловьи,

¹ Перевод С. Липкина под редакцией С. Я. Маршака и Баатра Бассангова. далее все цитаты из «Джангра» в этом же переводе.

Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все.
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна.

Хотя жизнь калмыцкого народа была тяжела и многострадальна, но он верил в радостное будущее, верил, что обретет счастье. Великий пролетарский писатель А. М. Горький был глубоко прав, когда писал: «Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно».

С установлением советской власти осуществилась вековая мечта калмыцкого народа. Народные певцы Калмыкии — джангарчи — славят советскую родину, называя ее осуществившейся мечтой о стране Бумбе.

Из хотона в хотон,
От воина к воину,
От чабана к чабану,
От джангарчи к джангарчи
Понеслась весть о том, что
Джангар и Хонгор явились на нашу землю
В обликах Ленина и Сталина,
Освободили народы России
Из-под гнета, лагусов
И на месте, где стояла ветхая кумирня царизма.

Воздвигли бессмертное здание Бумбы.
Так на земле,
Орошенной кровью доблестных сынов отчизны,
Засияло человеческое счастье,
Подобно многоцветной степной радуге.
Зацвела увядшая было степь,
Точно над нею прошел
Живительный весенний дождь.
Народ наш был беден, как бедна пустыня расте-
ниями,
Теперь он стал зажиточным.
Степь покрылась колхозными тучными стадами —
Источниками нашего богатства.
Так сбылся наш древний йорел о том,
Чтобы масло потекло между пальцами,
И не вода, а молоко утоляло жажду¹.

Собственно художественная литература в Калмы-
кии появилась в период гражданской войны.
Это были песни, сказания, легенды. Автором
песен, которые поются до сих пор и пользуются
большим успехом и любовью у калмыцкого народа
(«Песня 1-го калмыцкого полка», «Песни калмыц-
кой военной молодежи»), является Харти Бадесевич
Кануков — первый редактор газеты «Улан хальмг»

¹ „Йорел (благопожелание) калмыцкого народа Иосифу Висса-
рионовичу Сталину в день его шестидесятилетия.“

(«Красный калмык»), которая начала выходить в 1919 году, как орган штаба 1-го калмыцкого полка Конной армии.

Основоположником советской калмыцкой литературы является ныне умерший Нимгир Манджиев. Его рассказы и стихи пользуются заслуженной популярностью. Перу Нимгира Манджиева принадлежат также пьесы «Дорджин Улан» и «Рваные башмаки» (1926). Эти пьесы слабее прозаических и стихотворных произведений писателя, но тем не менее их нельзя не отметить, как первые пьесы, написанные калмыцким писателем на национальные темы.

Несколько позже в калмыцкой литературе появились наиболее крупные писатели — Гашута Баатр (Баатр Бассангов), Дендяи Айс (Аксен Сусеев) и Бата Манджиев, пьесы которых представлены в настоящем сборнике.

Кроме пьесы «В поисках счастья», перу Аксена Сусеева принадлежит изданная в 1928 году поэма «Стальное сердце» о герое гражданской войны Аралтане Ангуляеве и поэма «Сын степей» о герое гражданской войны Городовикове.

Большой популярностью пользуется сборник стихов первого калмыцкого лирика Бата Манджиева «Новые мотивы». Его пьесы «В борьбе укрепляемся», «Сокровище» и публикуемая здесь «В степи»

с большим успехом шли на сцене Государственного калмыцкого театра в Элисте.

Широко известен талантливый калмыцкий писатель Гашута Баатр (Баатр Бассангов). Им написан ряд повестей и рассказов, собранных в сборнике под названием «Истина истекших дней». Из числа произведений Гашута Баатра повесть «Бургун» и рассказы «Черный джолун» и «Застенчивый Манджи» переведены и изданы на русском языке.

Гашутой Баатром написан, кроме того, ряд пьес. Его пьеса «Чуче», пересыпанная народными афоризмами и блестящая народным юмором, в течение трех лет идет на сцене Государственного калмыцкого театра и неизменно пользуется огромным успехом. Другая его пьеса, «Замьян», повествует об участии калмыков в пугачевском восстании. Последняя пьеса Гашуты Баатра, «Страна Бумба», рассказывает о счастливой жизни калмыцкого народа в стране социализма, о его богатырских делах, реально воплотивших сказания великого калмыцкого эпоса.

За последние годы в Калмыкии появилось немало молодых литературных дарований. Это поэты Ледженов, Доржиев Басанг, Инджиев Леджи (переводивший произведения Гейне), восемнадцатилетний Кутультинов Дава, написавший ряд прекрасных лирических стихотворений, прозаик Джидлеев Пюрве и др.

На калмыцкий язык переведено немало произведений классической и советской литературы. Баат-

ром Бассанговым переведены пьесы «Последние» М. Горького и «Благочестивая Марта» Тирсо де Молина; Инджиевым — «Лекарь поневоле» Мольера; Сусеевым — «Коварство и любовь» Шиллера; Бата Манджиевым — «Как закалялась сталь» Н. Островского; переведен ряд произведений М. Горького, Пушкина, Гюго, Лермонтова.

Расцвело и засияло всеми красками богатой народной фантазии устное творчество калмыцкого народа. Знаменитые, любимые народом певцы — джангарчи — сложили немало прекрасных песен и сказаний, в которых они славят сегодняшний день народа и его богатырские дела в прошлом и настоящем. Всенародной любовью пользуются народные поэты Калмыкии — Мукевен Бассангов и Дава Шавалиев, каждый из которых создал свои варианты «Джангра». В продолжение семи лет записываются народные сказания, которые хранит феноменальная память джангарчи Джугульджана Джанахаева, хотя запись их еще далеко не закончена.

«Джангр» оказывает большое влияние на калмыцкую художественную литературу. У «Джангра» учатся писатели Калмыкии создавать подлинно народные произведения, отражающие волю и чаяния самых широких масс. Беспредельная любовь к родине, готовность в любую минуту встать на защиту социалистического отечества, честный и благородный труд, любовь к партии и великому Сталину, глубо-

чайшая ненависть к врагам народа — все это находит отражение в творчестве калмыцких писателей, продолжающих замечательные традиции «Джангра».

Из числа представленных в настоящем сборнике в пьесе Дендяй Айса «В поисках счастья» мотивы народного эпоса органически переплетаются с революционными событиями 1918 года. Основной герой пьесы пастух Эрдени является внуком слепого джангарчи Дендя. Он воспитывался на сказаниях деда. Его постоянной мечтой была чудесная страна Бумба. Революция разрушает старый уклад, она приносит Эрдени и тем, кто с ним, счастливую и радостную жизнь.

В пьесе Бата Манджиева «В степи» влияния народного эпоса сказываются в образах Басанга Шургчиева — парторга колхоза, Довда — колхозного сторожа и Бада — табунщика. Это люди, уверенные в своей силе, крепкие неразрывной связью с народом. Гашута Баатр центрального героя пьесы «Чуче» назвал Джиргал, в переводе на русский язык это значит народный поэт. Джиргал ведет ожесточенную борьбу с нойонами и зайсангами, он верный друг и защитник калмыцкой бедноты, пользующийся ее глубокой любовью и уважением.

Обращение Дендяй Айса, Бата Манджиева и Гашута Баатра к народному эпосу, к прекрасным традициям «Джангра» обогатило их, так же как оно обогащает всю калмыцкую художественную литературу.

В своей речи на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 года товарищ Сталин, определяя очередные задачи национальных республик, говорил:

«Основная задача состоит в том, чтобы облегчить дело приобщения рабочих и крестьян этих республик к строительству социализма в нашей стране, создать и развить предпосылки, применительно к особым условиям существования этих республик, могущие двинуть вперед и ускорить это приобщение».

Эти слова товарища Сталина, сказанные им пятнадцать лет назад, осуществлены на деле. Одно из доказательств этому — расцвет Калмыцкой АССР, которая за короткий срок смогла из страны отсталой и забитой, из страны угнетенной, народ которой не имел ни прав, ни будущего, стать страной социалистической, занимающей равное место в братской семье народов многонационального Союза советских социалистических республик.

Поэтому-то народ Калмыкии, который советская власть вывела из нищеты и бесправия, угнетения и голода, в своем «Благопожелании И. В. Сталину в день его шестидесятилетия» с такой теплотой и любовью обращается к великому творцу Советской Конституции и вождю народов:

Да возвышается наша страна среди вселенной,
Подобно горе Сумеру, вечно озаренной лучами
солнца.

Пусть всегда будет крепка, как сталь, и необъятна,
как океан,

Дружба народов нашей великой отчизны.

Да славится вечно наша большевистская партия.

Партия богатырей, партия героев.

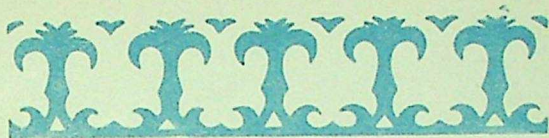
Ведите нас вперед, к коммунизму,

Когда люди будут жить, ничего не деля на мое
и твое,

Как путеводная звезда верно ведет

Миллионы мореплавателей к цели.

С. Юрьев

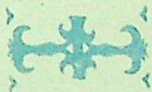

ДЕНДЯН АЙС
(АКСЕН СУСЕЕВ)

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Пьеса в трех действиях

С калмыцкого перевел
Александр Ойслендер

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
LONDON

PLANTAE
INDIAE ORIENTALIS

3. MONOCOTYLEDONACEAE

1850

1850

—13466—

Действующие лица

Эрдени — сирота, пастух.

Кашка — друг Эрдени, тоже пастух.

Киштэ — возлюбленная Эрдени.

Дендя — дедушка Эрдени, слепой джангарчи.

Намджл — жена Дендя и бабушка Эрдени.

Шалвурка — революционный фронтовик.

Жена Шалвурка.

Арзык — отец Киштэ.

Булгун — мачеха Киштэ.

Доржи — сводный, не родной брат Киштэ.

Нагалья — подруга Киштэ.

Хонгор — командир красного партизанского отряда.

Сергиенко — помощник командира.

Савр }
Дарма } партизаны.

Иванов — крестьянин.

Бадминов — помощник Доржи.

Амуев — начальник снабжения.

Д ар л та н — пулеметчик.
С ю к н е в — партизан.
П ат р а.
Н ам ч а.
Ж е н и х Киштэ.
С тар и к-г о с т ь.
Т е т к а Киштэ.
Г ар м о н и с т к а.
С т а р у х а.
П о д в ы п и в ш и й г о с т ь.
А й м а ч н ы й а т а м а н.
К р а с н о а р м е е ц.
К р а с н ы е п а р т и з а н ы.
Б е л о г в а р д е й ц ы.
С т о р о н ы ж е н и х а и с т о р о н ы н е в е с т ы.
Н а р о д: р у с с к и е и к а л м ы к и в м а с с о в ы х с ц е н а х.

Действие происходит летом 1918 года в калмыцкой степи.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Чистое небо. Закат. На краю хотона, на траве, у колодца сидят Эрдени и Кашка. Свертывают «козьи ножки».

Эрдени (*закурил и поднял горящую спичку*). Где же раздобыть невесту? (*Обращаясь к спичке*.) Сгибайся, сгибайся, сгибайся. (*Ждет*.) Да, не так вышло, как думал. Ничего не получится в аймаке. Договоримся так: ты действуй здесь, а я не стану искать невесту в своем аймаке. (*Держит погасшую спичку*.)

Кашка. Как же я всех осилю? У меня живого места не останется, на части разорвут. Что я тебе — мясо для навара? Нет, не хочу! А ну, — как она согнулась? (*Берет спичку у Эрдени*.) Смотри, как раз на северную сторону — на Киштэ смотрит. (*Отбрасывает спичку в сторону*.)

Эрдени. Разве ты не знаешь, что Киштэ уже засватана?.. В чужой аймак просватали. Свадьба назначена на конец зимы — на Цаган Сари.

Кашка. Значит, не на Киштэ, а на Бадму согнулась твоя спичка.

Эрдени. Бадма — дальняя моя тетка по матери.

Кашка. Не беда, недалеко от Бадми Нагаля живет. Видно, спичка твоя на нее смотрит.

Эрдени. И Нагаля моя родственница — тоже тетка.

Кашка. Ну, брат, столько теток не бывает. (Пауза.) А жениться на тетке стоит. Говорят, что тот, кто женится на тетке по материнской линии, счастливым будет.

Издалека в предвечерней тишине доносится песня.

Эрдени и Кашка (одновременно). Кто это?
Оба вслушиваются. Тоскливая песня слышна все громче и явственнее.

То, что слишком чисто,
Быстро загрязняется.
То, что слишком дорого,
Быстро теряется.

Кашка и Эрдени (тихо подпевают).

От губы пораненной
Язык не отходит.
Тот, кто любит девушку,
Глаз с нее не сводит.

Входит Киштэ без головного убора, босая.

Киштэ (с удивлением). Что вы здесь делаете?
Эрдени. Скот напоили и пригнали домой. Сейчас вот сидим и курим.

Кашка. Собираемся пойти к Бембушке на молодежную вечеринку.

Эрдени. А ты пойдешь к Бембушке, Киштэ?

Киштэ (вздыхнув, посмотрела на Эрдени). Нет, не могу я идти на такой вечер.

Пауза.

У нас телка не вернулась, хочу найти ее. (Вспомнив.) Вот почему столько народу толпится около Бембушки!

Кашка. Кто туда приехал?

Киштэ. Видела я Балдона, Баську, да еще, кажется, и Тиджука приехал.

Эрдени. Все знаменитые танцоры собрались.

Кашка. Они, наверное, ухаживают за девушками нашего аймака.

Киштэ. Хотя и светло, но я боюсь одна. Эрдени, поищи со мной телку. (Увидела улыбку на лице

Кашка.) Я и забыла, ведь вы должны идти на вечеринку Ну, я пойду. (Пошла, тихо напевая песню.)

Эрдени. Подожди, Киштэ! (Взял под руку Кашка и говорит ему.) Я пойду с ней, поищу телку... Ты, чорт, ни звука об этом, когда пойдешь на вечеринку... Понял? (Побежал за Киштэ.)

Кашка (громко). Ты всегда со мной так поступишь.

Кашка ушел. Входят Киштэ и Эрдени.

Киштэ. Как много росы, у меня ноги промокли. (Нагнулась и платком вытерла ноги.)

Эрдени. Если много росы, говорят старики, то это признак урожая и счастья. Значит, и наше счастье сбудется. (Нежно обнял девушку, поцеловал ее.)

Киштэ (освобождаясь от объятия, поправляя волосы). Ты говоришь: «наше счастье сбудется», а ведь всего несколько месяцев осталось до свадьбы с нелюбимым. При мысли о ней, о нашей разлуке, всю меня охватывает холодом.

Эрдени. Милая Киштэ, мы с тобой об одном думаем. Надо что-нибудь сделать до свадьбы.

Киштэ. Если бы жива была моя добрая мать, глядя на мои страдания, она бы помогла мне!

Эрдени (обнимает и целует Киштэ). Уйдем от-

сюда, Киштэ моя. Уйдем далеко-далеко. Возьмем с собой дедушку и бабушку. Они у меня старые, бедные. И ты их будешь любить, родная! Будешь? О, да, я верю. Ведь не может быть, чтобы ты — такая необычайная, такая золотая — желала бы мне зла. О, Киштэ, неужели тебя хотят отнять? Что буду делать я? Ведь ты моя жизнь, воздух, которым я дышу. Уйдем, мое счастье, отсюда. Вот и Шалвурка, глядя на мои страдания, хочет мне помочь, — он обещал дать коня.

Киштэ (*испуганно отступая*). Что ты?! Что ты говоришь?! Это невозможно. Поймают нас и опозорят при всем народе. Меня насильно выдадут замуж, а тебя бросят в тюрьму. Что тогда будет с твоими стариками?

Эрдени. Дедушка и бабушка ни в чем повинны. Бедные они. Пока я рос, они нищенствовали. Я теперь их единственная опора. Их никогда не брошу и никому не дам в обиду. (*После молчания.*) Я не узнаю тебя, моя Киштэ. Я не могу понять тебя и твоих слов. Мы говорим о разном.

Киштэ. Нет, не о разном. Только надо хорошо подумать, прежде чем решить что-либо.

Эрдени. Да, действительно, надо хорошо подумать. А тебе особенно. Ведь я сирота, у меня ничего нет, ни скота, ни двора. А жених твой богат.

Киштэ (нежно обнимая Эрдени). Ты меня не понял, милый. Ведь я люблю тебя! Где бы я ни была, всегда твой образ со мной. Даже во сне я не расстаюсь с тобой. Неужели это не любовь? Я тоже сирота. Когда мне было семь лет, умерла моя добрая мать. Потом отец женился. Росла я одна, без матери и отца. Ведь ты не знаешь, что такое мачеха. (Горько.) Хозяйство жениха, хозяйство отца — все это я бы отдала за нищую жизнь с тобой. А ты мне не веришь!

Эрдени. Прости меня, я верю тебе.

Киштэ. Я никогда не знала, что такое радость. И вот, когда появился ты, я узнала ее. Я стала совсем другой. Когда увижу тебя, сердце так громко стучит, что вот-вот выпрыгнет. Идя на речку мимо стада, которое ты пас, я целовала траву, где ступал ты. А траву, на которой ты сидел, вырывала и клала себе на сердце, как соковище из соковищ. Я выгоняла рано-рано скот, чтобы лишнюю минуту побыть с тобой. И когда ты уходил, я смотрела долго-долго тебе вслед. Ты уходил, а образ твой оставался со мной. И если случалось, что днем не видала тебя, то во сне ты мне являлся. (Обняла его.)

Эрдени. Во сне, говоришь? Знаешь, я порой вижу удивительные сны. Хочешь, об одном расскажу?

Киштэ (оглядываясь кругом). Не следят ли за нами? Кажется, нет. Ну, расскажи, расскажи.

Эрдени (с воодушевлением начинает рассказы-

вать). Снился мне замечательный сон, будто пошел я искать счастье. Попрошался с дедушкой и бабушкой. И дедушка сказал мне на прощанье: «Не печалься о нас. Иди, добывай себе счастье. Жизнь наша удаляется, а вот смерть приближается. Осталось нам жить немного... А ты молод, силен, ищи счастья, и ты его найдешь». Сказав так, он поцеловал меня в лоб.

Киштэ. Бедный старик!

Эрдени. Я не мог двинуться с места, в горле застрял ком. Долго стояли мы, обнявшись. Наконец, дед сказал: «Иди». И он стал прислушиваться к моим удаляющимся шагам. Я побежал, мне тяжело было расставаться с ним. Я был далеко, но мне мерещилось, что вот они, взявшись за руки, пошли просить милостыню и над ними все смеются. Слепой дед протянул руку, и кто-то положил в нее горячий конский помет. «На тебе, Дендя!» — кричал он.

Киштэ. Боже мой!

Эрдени. Дедушка понял, что его обманули, бросил помет. Сказал: «Ну, пойдем дальше, что ли?»

Киштэ. Бедные, бедные...

Эрдени. Дальше идти я не мог. Сел на высокий берег. Сажу и думаю: где же ты, мое счастье? И запел.

Киштэ. О чем же ты пел?

Эрдени. О счастье. (Пост.)

Еще до того, как узнал отца,
Лишился я ласк отцовых,
И матери, преданной без конца,
И песен ее, и крова.
О, боги, парящие где-то там,
За тучами, надо мною,
Счастливой, наперекор врагам,
Даруйте меня судьбою.
Тому, кто затерян среди людей,
Тому, кто, живя без крова,
Не помнит отрадных и светлых дней, —
Вы счастья даруйте вдоволь!

Киштэ. Хорошая песня!

Эрдени. Долго я сидел и плакал над своим
частьем, Наступил вечер. Издалека показалось об-
лако пыли; рассеялась пыль, и предо мной — конь.

Киштэ. Ой, как страшно!

Эрдени. Золотисто-буланый конь. Я вскочил,
от испуга отступил назад. На коне было два
всадника. Один всадник окликнул меня женским го-
лосом.

Киштэ. Чудно как!

Эрдени. Я отбежал в сторону, но красивая жен-
щина поймала меня, взяла на руки и пошла. За ней
пошел красивый мужчина, ведя под уздцы коня.

Киштэ. Ну, ну, дальше. (*Нетерпеливо.*) Дальше что было?

Эрдени. Дальше еще удивительней было. Так любо, так хорошо, что я никогда не захотел бы расстаться с таким сном. Всадники оказались моими родителями. «Услышали мы, что ты ищешь счастье, не можешь его найти и горько плачешь по нем. Вот мы и пришли помочь тебе. Садись на этого буланого коня, и он довезет тебя куда надо. Там ты вступи в армию, бойцом станешь. И мы тогда к тебе придем. С дедушкой и бабушкой скоро свидимся».

Киштэ. И ушли от тебя?

Эрдени. Сказав это, они исчезли. Я крикнул: «Не оставляйте меня!» Оглянулся кругом, вижу: конь стоит.

Киштэ. Конь?

Эрдени. Золотисто-буланый конь стоял возле меня. Грива его — желто-шелковая, хвост — полон жемчужинами, седло — серебряное, подкладка — парчевая.

Киштэ. Ну?..

Эрдени. Сел я верхом. И тебя взял с собой. Пустил поводья и пригнулся к шее коня — так сказали мне родители. Конь взвихрил, колокольчики зазвенели — и вдруг полилась замечательная песня любви. Там, где копыта ударялись о землю, проступала вода... Дальше что было — не помню. Но только после долгой скачки конь перешел на ино-

ходь. И перед нами в утреннем тумане показалась чудесная из чудеснейших стран.

Киштэ. Ну, ну, скорее.

Эрдени. Не об этой ли стране дедушка мне часто рассказывал? (К Киштэ.) Ты не устала?

Киштэ. Нет, нет, говори! Значит, ты нашел счастье?

Эрдени (с еще большим восторгом говорит, как достойный внук джангарчи — старика Дендя).

Далеко, далеко ушел я,
И, счастье ища свое,
Счастливой страны достиг я
И воинном стал ес.
У самого берега моря
Густые росли леса.
Сверкали среди деревьев
Не фрукты, а чудеса.
И стражем, хранящим травы,
Уйдя с головой в туман,
Стояла там величаво
Большая гора Эл-манхи.
Стояла опорой неба,
Могуча и высока,
Над светлой ее вершиной
Летели вдаль облака.
О, Бумба, — страна, где каждый

Всю жизнь живет молодым,
Где нету зимы и вечно
Плодами полны сады.
И в летнее время ветер
Прохладу струил над ней
И пять миллионов жило
В тех светлых местах людей.
И люди спокойно жили,
Но каждый отважен был.
И девушки выходили
За тех, кто был сердцу мил.
Румянец играл на лицах
У всех, кто навстречу шел,
И счастьем глаза сверкали
У всех, кто его нашел.
Я, внук джангарчи седого,
В просторный дворец вступил.
В нем жил сам Хонгор могучий,
Что Джангра героем был.
«Ты будешь моей опорой,
Второю моей рукой», —
Сказал мне Хонгор любимый,
Прославленный наш герой!

Пауза. Эрдени и Киштэ тихо сидят, прижавшись друг к другу.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дом Арзыка. Комната разделена на две части. В одной сидят Арзык, Булгун, старик-гость, Доржи. В другой части — что-то вяжут Киштэ и ее подруга. Вечер. Богато убранные комнаты освещены лампами.

Гость. Ну, вот и вся наша просьба. Время сейчас тревожное, не знаем, что может случиться даже завтра.

Булгун. Да... К свадьбе у вас все готово?

Гость. Все, что нужно, почти готово. Ведь целая неделя впереди.

Арзык. А не рано ли пятнадцатого свадьбу играть? Что-то очень быстро, ведь она назначена была на зиму, а тут вдруг летом.

Киштэ, спокойно вязавшая, вдруг заволновалась, услышав о дне свадьбы, встала, обняла подругу и заплакала вместе с нею. Подошла к зеркалу, причесалась, завязала платком голову, быстро прошла с подругой в другую дверь.

Доржи (*поправляет френч и погоны. Закуривает папиросу*). Осенью или зимою — это все равно. Ведь неизвестно, что будет через несколько дней. Чем раньше, тем лучше. Не так ли, старикашка? (*Бесцеремонно хлопает по плечу гостя.*) Я согласен даю!

Булгун. Если брат согласен — значит так и будет.

Арзык. Ну, что ж, пусть будет так!

Гость. Тогда мы четырнадцатого после обеда сыграем свадьбу, а вечером гулять будем. А пятнадцатого — гласит наш закон — спозаранку вместе с восходом солнца девушка сядет на свадебного коня.

Булгун. Мы согласны. Теперь все делается по воле божьей.

Арзык. Иначе быть не может.

Доржи. На свадьбе должно быть много водки.

Булгун. Да, да. А что вы привезете на свадьбу?

Гость. Мы зарежем двух лошадей и семь овец. Мясо сварим, когда в ваш аймак приедем. Будет три мешка боорцыка и мешок кренделей.

Доржи. А свадебной водки у вас много?

Гость. Водка есть, но ее меньше, чем мы привозили на шитье платьев. Есть четыре ведра русской водки и семь ведер калмыцкой.

Доржи. Водки надо побольше. Народу много придет. Неудобно.

Арзык. Доржи говорит правильно.

Гость. Для вечеринки есть бочка донского вина. Я думаю, хватит.

Доржи. О, это как раз!

Булгун. Подарков много не надо. Только отцу, брату, тетке и дяде. Сейчас время такое... тревожное.

Гость. О подарках я ничего не знаю. Сваха готовит их.

Доржи (*вдруг зашел*).

На свином лугу пасутся
Польсевшие быки.
Боль, на борова похожий,
Плачет... Видно, от тоски.

Значит, выпьем на свадьбе? (*Насвистывая, вошел в комнату, где сидели девушки.*) Киштэ! Где ты?

Арзык. Нет Киштэ?

Булгун. Куда она исчезла?

Гость. Разве девушка была дома?

Булгун. Была. Думает она о себе много, не говорит, куда идет. Вы уж теперь проучите ее!

Гость. Ну, счастливо оставаться, до свидания!
(*Прощается со всеми кивком головы.*)

Доржи (*выходя из другой комнаты*). Эй, старикашка! Что же ты со мной не прощаешься?

Булгун. Что ты делаешь? Как ты разговариваешь?

Арзык исподлобья смотрит на Доржи.

Гость (*смущенно*). Ну, родственник, прощай!
(*Прощается за руку с Доржи.*)

Доржи. Ладно! Желаю тебе дойти до дома не спотыкаясь!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сцена разделена на две части. Левая половина — белая землянка, внутри почти пусто. Бабушка Намджл тихо молится. Дендя рассказывает о трех мальчиках из Джангра. Эрдени, сидя на коленях, восхищенно слушает. Темно. Сцена слабо освещена промасленной ватой, горящей на криво поставленной сковородке. Правая половина — степь.

Низко спустились тучи.

Эрдени. Сильными ребятами были они... Почему я не такой?

Дендя. Молод еще... Подрастешь — таким же станешь. Во имя народного счастья погибнуть — великое дело!

Эрдени. Если бы я походил на сына Хонгра, — ничего другого не желал бы...

Дендя. Хошун Улан батыр в отца пошел... Хонгор вобрал в себя все лучшее, что есть в калмыцком народе...

Эрдени. Хошун Улан — очень храбрый человек. Дедушка, эта песня ведь еще не кончена?

Дендя (приподнял голову, ладони скрестил над головой Эрдени. Запел).

Итак, эти три мальчугана,
Пробравшись опасным путем,
Дошли до Бадмина Улана
И в плен его взяли живьем...

Эрдени. А почему не убили?

Дендя. Если враг сдастся, его не убивают!

Эрдени. Еще, еще!. (Гладит бороду старика.)

Дендя.

Но тут же, похожий на глыбу,
Хар Самба вскочил на коня
И быстро погнался за ними,
Желая добычу отнять.

Но сын знаменитый Хонгра —

Хошун повернулся кругом,

Спустился с буланого наземь

И встретился грудью с врагом.

Порвал ему шейные связки

И крепкие ребра сломал.

И тут же, сраженный Хошуном,

Хар Самба лишился ума.

Эрдени. Ну, и сила!

Дендя. Слышишь? (Прислушался.) Кажется, кто-то идет к нам.

Намджал. Показалось, наверно! (Продолжает молиться.)

Дендя.

Чтоб снова не шел он войною

На Бумбу — родную страну, —

Хошун завязал его крепко

И бросил в морскую волну.

Кажется, кто-то идет.

Намджл. Да, я тоже слышу чьи-то шаги.

Эрдени. Эй, кто там? *(Встал и сталкивается с входящими Шалвурка, его женой и Кашка.)* А-а, здравствуйте!

Дендя. Хорошо живете?

Намджл. Все живы и здоровы?

Пришедшие *(вместе)*. Здоровы, здоровы!

Жена Шалвурка *(к Намджл)*. Мы принесли муки на один будан и молока на один чай.

Дендя. Ну, зачем это, у вас у самих едоков много.

Шалвурка. Ничего! Надо делиться тем, что есть.

Кашка. Мы пришли слушать «Джангар»...

Жена Шалвурка. Когда послушаешь «Джангар», на душе становится легче...

Эрдени. Дедушка! Придется вам еще рассказывать.

Шалвурка. А много уже рассказывал?

Дендя. Сейчас только перестал... Ну, что ж, будем рассказывать, мы ведь не покупаем «Джангар» за деньги... Сварила бы нам чайку, старуха!

Намджл. Сейчас сварю, скоро закипит. *(Собирается варить.)*

Дендя *(прислушиваясь)*. Еще какой-то шорох слышен...

Эрдени *(смотрит в окно)*. Две девушки идут.

Пауза.

Киштэ и Нагаля... Наверное, «Джангар» хотят послушать...

Намджл. Они обе очень любят «Джангар»... Киштэ всегда просит деда спеть ей песнь о женитьбе Хонгра.

Дендя. Умницей будет. Случается, что в дрянной семье хорошее дитя растет.

Входят Киштэ и Нагаля.

Все (к Киштэ и Нагаля). Живы и здоровы?
Нагаля (спеша). Эрдени, к тебе есть дело...
Киштэ (волнуясь). Живы и здоровы! (Не выдержала, разрыдалась и стала на колени перед Дендя.) Через неделю меня выдают замуж!

Дендя обнял ее голову.

Эрдени (ошеломленный). Быть не может! Что ты говоришь?!

Шалвурка. Зимой же собирались!

Кашка. Какие там осень или зима? Сейчас надо решать окончательно...

Дендя. Ну, что думаете делать, дети мои?

Эрдени. Не бойтесь, бабушка, вам худо не будет. (Про себя.) Что ж мне делать?

Дендя. Я вас обоих знаю, милые детки. Советуйся с Шалвуркой, с его семьей...

Намджл. Вот оно горе... И откуда пришло? О Боже мой! (Молится.)

Эрдени. Где ж оно — счастье? Где же та страна, где не знают горя?

Шалвурка (к Киштэ). Киштэ, перестань плакать!

Кашка. От твоих слез жених не умрет!

Шалвурка. По-моему, в день свадьбы, когда девушки станут прятаться, Эрдени и Киштэ надо будет устроить побег.

Кашка. В селе Ивановском живут знакомые русские. Так, что ли?

Дендя. Если к ним пойти, русские Эрдени обиду не дадут... Но только здесь мне со старухой будет плохо, вот чего я боюсь. Осторожно, осторожно, детки мои...

Жена Шалвурка. Вас, стариков, не тронут...

Кашка. Доржи — белый офицер, — наверное, поднимет бучу... Белый офицер, командир сотни... обязательно что-нибудь предпримет.

Шалвурка. Но Доржи можно осилить.

Дендя. Слышите? Сюда идут!

Эрдени (смотрит в окно). Кто-то побежал... |
военной форме...

Киштэ (уверенно). Это Доржи... (Встает.)

Нагаля. Он за тобой следит... (Берет за руку Киштэ.)

Киштэ и Нагаля становятся в угол, разговаривают между собой.

Дендя (тихо). Он решил вас поймать!

Жена Шалвурка. Это, конечно, Доржи, кому еще быть.

Кашка. Я пойду посмотрю.

Эрдени. Только не дерись.

Кашка. Не буду. (Уходит.)

Дендя. Весь ваш разговор он, наверное, слышал.

Намджл. Срок нужно изменить. О лама мой, пожалей всех нас! (Испуганно заметалась по комнате, повторяя: «О лам, лам»!)

Эрдени. Правильно!

Шалвурка. Обязательно нужно изменить.

Жена Шалвурка (к Эрдени). А потом вы придете за стариками?

Дендя. Пусть раньше сами устроятся. А бежать надо в то время, когда плачущие девушки выйдут погулять. Самый удобный момент.

Шалвурка. На вечеринке будут Кашка и Нагаля. Когда Киштэ и Нагаля выйдут с девушками, я подойду к ним с лошадьми.

Эрдени. Мы с Кашкой тоже подготовимся.

Намджл. О мой боже, сохрани всех нас. (Молится богу, возится с чаем.)

Дендя (к Намджл). Не бог, а смелость батыра решает дело. Вот один вражеский посланец, от имени вражеского царя...

Все. Ну, ну! (Внимательно слушают.)

Дендя. Поставил пять условий Богда нойону

Джангру. Первое — отдать врагу коня Аранзала. Второе — царицу Ага-Шавдалла. Третье — самого красивого в мире батыра — Миньяна. Четвертое — коня Буурл Галзан для охраны табуна. И пятое — чтобы посыльным у него был батыр Хонгор.

Шалвурка. Какой наглый враг! Ну, и что же дальше было?

Дендя. Единственный человек, который сумел защитить свою родину от врага, был Хонгор... Мой Эрдени, ты уже возмужал. Пришло время проверить свою силу, смелость и ловкость. Что могу сказать я тебе на прощанье? Отец твой... Нет, нет, только не сейчас!

Эрдени. Отец мой? Вы мне никогда ничего не говорили о нем. Я о нем ничего не знаю, не знаю, как он погиб.

Шалвурка. Потом узнаешь.

Эрдени. Потом, потом...

Намджл. Пейте, дорогие, чай. (Расставляет чашки и разливает чай.) Хлеба нет ни куска.

Входит Кашка. Все смотрят на него.

Кашка. Это был Доржи, от меня он бежал, как заяц.

Конец первого действия

Действие второе

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сцена разделена на две половины: первая—большая внутренняя часть дома, вторая—край кибитки. Внутри дома происходит вечеринка, видно приданое невесты. Многие пьяны. Несколько человек с имскуллами (подарками). Доржи также с подарком, он в форме белого офицера. В первом ряду сидят девушки, среди них Киштэ. Во втором—молдые парни. В глубине сцены—пожилые мужчины и женщины. Впереди много свободного места.

Тетка Киштэ (входит, кричит). Что сомной? Где я?.. О, горе мне! Я на свадьбе своей племянницы и мне не подарили шелкового платья!

Булгун (входя вслед за ней). Это все от недостатков, милая родственница. Погоди, вот все успокоится, и я куплю тебе шелковое платье.

Тетка Киштэ. Ой, ой, проклятье вам! Меня вы за родственницу не сочли.

Булгун (*вспыхнула*). Мы все считаем тебя родственницей, но что делать, когда время изменилось? Чего ты ругаешься, старая ведьма?.. (*Идет обратно.*) Уйди с глаз моих! Можешь от брата получить подарки... У меня ничего нет.

Тетка Киштэ (*вдогонку ей*). Даст он мне, как же! Когда у него на шее сидят ты и сын твой.

Доржи (*выскочил и схватил за ворот тетку*). Убирайся отсюда, старая ведьма! (*Толкает ее за дверь.*)

Кашка (*с красной повязкой на левой руке. Схватил руку Доржи*). Что вы делаете? Зачем старуху обижаете?

Шалвурка (*схватил другую руку Доржи*). Вы что, проверяете силу на ней?

Доржи (*вздрыгнул и опустил руки*). С вами завтра поговорю. Посмотрим, как вы заговорите! (*Увидел красную повязку, как будто не замечая.*) Собаки! Забыли разве, что я командир сотни?

Шалвурка (*иронически*). Нет, мы не забыли. Вот поэтому и желаем вам добра.

Смех.

Ведь если пройдет молва, что вы воевали со старухой,— вас засмеют. Как-никак, вы командир сотни.

Шалвурка и Кашка отпустили Доржи, он вышел.

Тетка Киштэ (поднимаясь с колен). О бог мой! Что сделали со мной? Мне кажется, что земля кружится, а вместе с ней и я. (Кричит вслед Доржи.) Погаснет твое солнце, будешь всегда ходить среди ночи, и ноги у тебя оковенеют. Будешь ползать по земле, глотая песок! Да исполнится мое проклятье!

Кашка (смеется). Ха, ха, ха! Так ему и надо. Крепко вы его проклинаете. (В сторону Доржи.) Я тебе покажу еще, как мышь должна убегать от кошки.

Волнение улеглось, гости успокоились, если на свои места. Киштэ тоже села.

(Показывает тетке свою красную повязку и говорит.) Достали бы сами такой имскул, как у меня.

Все смеются.

Шалвурка. Этот имскул особенный — он приносит бедным счастье.

Подвыпивший гость (перебивая Шалвурку). Ну, начинайте! Посмотрим, как танцует и пост молодежь.

Шалвурка. Почему жених сидит как немой? Жениху танцовать надо.

Гармонистка (начиная играть). Ну, танцуйте!

Жених Киштэ (в богатом наряде). Чего не умею, того не умею. (Встал, замахал руками и... ссл).

Кашка. Даже и в танцах как медведь.

Подвыпивший гость. Затронул старую рану! Ха, ха, ха!

Шалвурка (к Кашка). Покажи им, как надо танцевать.

Подвыпивший гость. Не танцуй, Кашка! Сначала водку кончим, потом плясать будешь.

Все. Правильно, правильно! Давайте водку.

Подвыпивший гость. Водочка — это вещь!

Все смеются.

Намча. Что ж, разливайте!

Несколько молодых парней встают, один разливает из кожаной посуды калмыцкую водку для пожилых, другой разливает вино из боченка для молодежи. Четверо парней раздают, а подвыпивший гость и две девушки, стоя, поют. Получившие водку и вино не пьют до окончания песни.

Песня «Невеста Цаган»

Быстроногий мой конь гнедой
У подножья горы резвится.
Молодая невеста Цаган
По ночам мне все чаще снится.

Конь безудержный, конь гнедой
Встал свечой и на месте пляшет.
Посмотрев на меня, Цаган
Издаലെка рукой мне машет.

Конь гнедой — со звездой на лбу —
Все безудержно играет.
Потерявши покой, Цаган
Породниться со мной желает.

Вост ветер в ушах, но конь
Мчится к счастью неутомимо.
Веткой гнущаяся Цаган
Станет нынче женой любимой.

Общее одобрение.

Намга. Ну, пожелайте счастья, и выпейте!
Подвыпивший гость. Пусть будет мягка
трава под ногами. Пусть будут веселее гости. Соби-
райте кибитки на высоком месте, затягивайте зел на
широком месте. Будьте богатыми. Размножайтесь
так, чтобы именинников счастье нельзя было.

Пауза.

На запряжку у вас — пусть будет пять буланых
лошадей. Для ласки у вас — пусть будет пять кра-
сивых сыновей. Пусть передние полы топчутся ребя-
тишками, задние полы — ягнятами. (Пьет.)

Старуха. По местам кочевки деда следуйте всегда, на месте бабушки сидите всегда, и если спросят: «Чье это кочевье?», то всегда прославляйте имя своих дедов. (*Хочет пить.*)

Кашка (*останавливает ее*). Йорел ваш беден, добавляйте еще!

Смех.

Старуха. Будьте полезны родителям, будьте любимыми всегда, будьте долголетними и счастливыми. (*Пьет.*)

Кашка (*поднимая стакан вина*).

То, что получает Кашка в подарок,— это тунгерцык.

То, что говорит Кашка людям,— это тонгорцык.
Жених Киштэ, устраивая свадьбу,

Пусть потеряет навсегда счастье!

Шалвурка. Благословляешь жениха Киштэ?

Патра. Такого благословения он стоит!

Все смотрят на него. Жених Киштэ нервничает

Кашка. Смелей, жених Киштэ!

Жених поднимается.

Пусть своих родичей потеряет, а сам на брюхе ползает. (*Пьет, за ним другие.*)

Патра. Правильно, так ему и надо!

Жених Киште. Вы что? Драться хотите?
(Упорно подступает к Кашка, на стороне жениха трое.)

Кашка. Хотите, чтобы я пересчитал ваши ребра?

Патра встает, засучивая рукава.

Шалвурка (разнимая). Пошутили — и хватит!

Патра (жениху, иронически). Если б мы тебя не любили, — не отдали б тебе самой красивой девушки из нашего аймака. (В сторону.) Посмотрим, как ты ее возьмешь!

Шалвурка (к Кашка). Ты все разговариваешь — спляши лучше!

Кашка (жениху). Я не тебя одного, а всех богачей благословляю!

Патра. Хватит, пляши!

Кашка (начинает без гармошки). Ну, сыграйте на домбре!

Одна девушка начинает играть не на домбре, а на гармошке незнакомый мотив.

Кашка (гармонистке). Этот мотив я не знаю... Сыграй «Ласки», да не тяни!

Гармошка замолкла, девушка старается вспомнить мотив.

Шалвурка (гармонистке). Ну, сыграй, что ли, быстрее! (Пошел к выходу, остановился.)

Патра. Сыграй ему «Ласкательную». (Напевает мотив.)

Все одобряют. Шалвурка, улыбаясь, вышел.

Кашка. Вот так и сыграй!

Гармонистка. Теперь я поняла. (Играет джалджандур.)

Кашка. Так вот и надо было! (Танцует с различными вариациями.)

Патра (сопровождает танец криками). Дуй, друг! Расступись, земля, под пятками! Ох, ох, вот так! Ну, ты настоящий мужчина! Покажи этому человеку из чужого аймака, покажи жениху. И-и-и-ив! (Кричит, зажмурив один глаз.)

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

За занавесом продолжается свадебная пирушка. Перед закрытым занавесом — в левом углу — построились в ряд шесть человек белогвардейцев. Бадминов выравнивает их. Из правого угла быстро вышел Доржи в парадной форме белого офицера.

Доржи (быстро подходя к казакам, тихим, но нервным голосом). Здравствуйте!

Казаки (тоже тихо). Здравия желаем!

Доржи. Бадминов, я вам поручаю два исключительно серьезных дела. (Показывая левой рукой,

с пренебрежением.) С этими казаками сумеете справиться?

Бадминов. Как скажете, так и будет выполнено...

Доржи. Рано утром мы отдаем нашу Киштэ,— вы об этом знаете,— с восходом солнца ее посадят на свадебную лошадь...

Бадминов (*перебивает*). А мы что должны делать?

Доржи (*нервно*). Не спешите...

Бадминов (*угодливо*). Слушаю...

Доржи. Я узнал, что утром, когда девушки пойдут прятаться, все будет сделано так, чтобы мы их не нашли.

Бадминов (*перебивая*). Что-то не понимаю!

Доржи. Не спешите... Придумал это, говорят, Шалворка...

Бадминов. Тот, который из нашей сотни дезертировал?

Доржи (*радуясь тому, что Бадминов понял*). Вот именно, тот самый Шалворка... Когда он приблизится к нашему дому, его надо поймать... Сейчас он на вечеринке сидит, ничего не подозревает; когда девушки начнут прятаться, он с вечеринки уйдет.

Бадминов. Может, лучше сейчас установить слежку...

Пауза.

Бадминов. Но ведь Шалворка-то женатый...
Доржи. Не он, а внук джангарчи — Эрдени —
должен удрать с Киштэ, Шалворка помогает этому...
Устанавливать слежку еще рановато...

Бадминов. А Киштэ согласна?

Доржи. Киштэ любит Эрдени. Вот потому-то и
трудно. Если поймаете Шалворка, то без шума...
Иначе моя семья опозорена.

Бадминов. Как же, я понимаю! Все-таки она
считается вашей сестрой...

Доржи. Ты головой отвечаешь!.. Если не спра-
вишься, — я опозорюсь, а тяжесть на твою голову
ляжет... Одно дело — Шалворка поймать, второе —
свадьбу провести без суматохи...

Бадминов (отдает честь). Слушаюсь! Шалвор-
ка уже давно мне кажется подозрительным...

Доржи. Ты прав... он большевик... Если Шал-
ворка будет пойман, то Эрдени никуда не пойдет...
Когда, я сказал, надо действовать?

Бадминов (отдает честь). С рассветом на вос-
ходе солнца, когда девушки спрячутся!

Доржи. Правильно! Желаю успеха! (Кивнул ка-
закам.) Идите!

Бадминов. Всего! (Казакам.) Слышали?

К а з а к и (хором). Слышали!

Ушли.

Доржи (быстро подошел к Бадминову). За месяц стоянки в аймаке наша сотня испортилась...

Бадминов. Много пьют...

Доржи. Они еще не знают, что делается вокруг... (Подошел еще ближе, тихо.) Хонгор со своим партизанским отрядом совсем близко... Надо, чтобы никто об этом не проведал.

Бадминов. Я сам впервые слышу... Разве Хонгор не убит в своей станице?

Доржи. Не только не убит, а расправляется с кулаками... Зато, говорят, князь Тундутов собирает войско в районе Жутово — Абганерово. Вот туда нам нужно податься... Ну, желаю успеха!

Ушли.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка второй картины. С левой стороны выходит Эрдени. На нем бурка. Останавливается в глубоком раздумье.

Эрдени. С тех пор как я живу на свете, в первый раз предпринимаю такое серьезное дело. (Пауза.) Иду искать счастья. Найдется или не найдется страна Бумба, о которой говорил дедушка в своем «Джангре»? Хуторской скот, прощай,— больше ты не

услышишь крика Эрдени. Когда хозяевами твоими будут такие, как Эрдени, я вернусь к тебе! Воды реки Сала, несите на гребнях своих воли привет таким, как я, сиротам! Любимая моя степь! (*Вытирает слезы.*) Ты взяла тело моей матери, вот под этим южным курганом покоится оно! Милая мать, ты бы встала и посмотрела на страдание своего сына... Нет, лежи спокойно!.. За тебя, за отца, за дедушку и бабушку, за Киштэ иду искать счастье. Умру или найду счастье! Родимая степь, прощай, я вернусь к тебе! Когда я прохожу по травам твоим, похожим на ковер, слушаю запах твоего сена, дышу твоим свежим воздухом и внимаю пению твоих птиц,—мне становится легко и радостно. (*Пауза.*) Но при виде страданий народа мне становится душно. Пусть жизнь станет такой красивой, как ты красива в мае! Шалвурка говорит, что я скоро вернусь. Шалвурка, какое у него благородное сердце! Я ему верю... Веря ему, я еду в русское село. Киштэ также вери Шалвурка... А ее обмануть трудно. Киштэ! Это мое восходящее солнце! (*С воодушевлением.*)

Бескрайнюю радость
С тобой я узнал.
Траву, где сидела ты,
Я целовал.
Твой стан, наклонившийся,
Словно цветок,

Навеки, любимая,
Взор мой привлек.
Твой образ, родная,
Я вижу во сне.
Куда б ни пошел я,
Все снится он мне.

(Оглядывается по сторонам.)

Выходит Шалвурка, сталкивается с Эрдени.

(Испуганно.) Шалвурка, ты?

Шалвурка. Кони готовы?

Эрдени. Готовы, давно готовы!

Шалвурка. Говори тише! Где спрятал лошадей?

Эрдени. Около землянки Кашка. А чьи это кони?

Шалвурка. Один — принадлежит гостю, другой — Арзыку...

Эрдени. У одного коня очень красивое седло и уздечка.

Шалвурка. Это конь Арзыка. Он предназначен для Киштэ, потому такой нарядный.

Эрдени. Прекрасно! Может, ты с нами уедешь?

Шалвурка. Нет, я останусь в аймаке, меня не поймают...

Эрдени. Это опасно!

Шалвурка. Ничего! Ну, иди на свадебную вечеринку.

Эрдени. Я останусь здесь!

Шалвурка. Слушай меня... иди... Они хотят нас поймать на рассвете, а мы исчезнем раньше.

Эрдени. Кашка — там?

Шалвурка. Там...

Пауза.

Помни: в хуторе Зунду красные партизаны, спешите туда, чтобы встретиться с Хонгром... Киштэ знает все?

Эрдени. Хонгор — говоришь? *(Подумав.)* В хуторе Зунду? Ну, ну. А Киштэ я предупредил... Она все знает.

Шалвурка. Ну, иди! Револьвер и бурку оставь мне. *(Взял у Эрдени револьвер и бурку.)*

Разошлись. За сценой слышны песни и пляски.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На сцене — свадебный пир.

Подвыпивший гость *(кричит)*. Ну, хватите вам танцевать!

Входит Эрдени, за ним двое мужчин и две женщины — стороны жениха.

Намча (гостям). Идите вперед, садитесь...

Гости садятся, Эрдени стоит у дверей.

Кашка. Эрдени, садись здесь. (Показывает на место рядом с собой.)

Эрдени (к Кашка). Ты не уходишь? (Подошел и сел.)

Кашка. Если сижу, значит, так надо сидеть до конца.

Жених Киштэ со злостью смотрит на Кашка.

Намча (гармонистке). А ну, сыграй! (Вошедшим гостям.) Танцуйте, гости!

Гармонистка (начала играть чичирдык). Ну, начинайте.

Подвыпивший гость. Пусть наши начнут, а они подхватят.

Встают два парня и две девушки со стороны невесты.

Гости (со стороны невесты). Не подгадьте! Не очерните имя аймака!

Четверо плавно танцуют под гармошку минуты три-четыре, вызывая общее восхищение.

Намча. Передайте гостям танец!

Все четверо подходят к гостям и хлопают их по плечу: девушки — женщин, парни — мужчин.

Намча. Ну, милый!

Гости выходят вперед. Намча дает какой-то знак девушкам и парням, а четверка, танцовавшая до этого, выносит плети и ташмаки. Гармонистка снова играет чиширдык. Гости танцуют, а четверо парней со стороны невесты бьют их по спинам плетьюми и ташмаками в такт музыки. Гости охают, остальные смеются. Танец прерывается.

(Дает опять какой-то знак сидящим девушкам и говорит гостям.) Подождите, не садитесь!

Гости удивленно смотрят. Пять девушек приносят в пяти деревянных чашках арьян, в левых руках у них платки. По новому знаку девушки связывают гостям руки. Так же поступают с женихом.

Ну, пейте!

Гости, став на колени, пьют из чашек арьян.

1-й мужчина (нагибаясь, пьет). Да, не так это просто! (Встает.)

Жених Киштэ (нагибаясь). Не могу... (Нагнулся и упал на чашку, арьян расплескался.) У-уф!

Кашка (смеясь). Что, тяжело? Боюсь, что у тебя ничего не получится!

Все смеются. Гости выпили арьян. Девушки развязали им руки. Все садятся на свои места. Жених Киштэ смотрит на Кашка с нескрываемой ненавистью и вытирает лицо платком.

Намча. Теперь, пожалуй, пришло время плакать девушкам. Как вы думаете?

Кашка (что-то говорит на ухо Эрдени, затем обращается ко всем). Я не выношу плача. Лучше выйду пока!

Эрдени. Подожди, вместе выйдем!

Пошли; Киштэ посмотрела на Эрдени и опять закрыла лицо платком.

Патра. Ну, ну, как там эта песня начинается? Намча (пост песню «Тоска по родине»).

Где-то в небесах журавль парит
И стрелою сверху мчится наземь.
Только в край чужой ты попадешь,
Доброго отца припомнишь сразу.

Девушки придвинулись к Киштэ.

Хор вместе с Намча.

И когда весеннею порой
Влажная земля зазеленеет,
Сразу ты припомнишь в тишине
Мать, что всех милее и роднее.

Девушки плачут.

Если дал седло родной отец,
Никогда оно не постареет,

Если платье матерью дано,—
Даже в злую непогодь согреет.

Девушки плачут.

Матери возлюбленной язык
Нежными словами вмиг утешит,
А чужая мать заговорит,—
Словно острый нож по сердцу режет.

Девушки продолжают плакать.

Подвыпивший гость (*кричит*). Хватит вам!
Сейчас и я заплачу!

Смех среди мужчин.

Хор вместе с Намча.

На лугу весенний ветерок,
Голову подняв, вдыхать приятно.
Хорошо журавушкой быть,
Захотеть — и вмиг умчаться обратно...

Кончается песня, слышны всхлипывания.

Намча (*вытирая слезы*). Ну, довольно! Напла-
кались!

Патра. Сама заставила, а теперь просит пере-
стать.

Все смеются.

Намча. А сейчас все на двор! (Вышла.)

Гармонистка играет галуншовун. Киштэ и Нагалья вышли. За ними остальные девушки. За сценой, куда вышли девушки, слышен топот коней, чьи-то крики. Спокойный цокот копыт переходит в скачку и удаляется. Слышен выстрел, второй. Гармонистка отбросила в сторону гармонь, убежала. Подвыпивший гость от неожиданности выпучил глаза и закричал: «Убили! Убили!», затем лег вниз лицом и спрятал голову за гармонь. Через сцену пробежал Доржи с револьвером в руке, вслед за ним белогвардейцы. Переполох. Слышен крик: «Киштэ украли!», «Нет Киштэ!», «Нет Киштэ!» Голос Доржи: «Давай скорей лошадей!» Слышна борьба: «На тебе, сволочь!» Удар плети. Через сцену пробежали люди жениха. Крик, шум.

Подвыпивший гость (медленно поднимаясь).
Пока жив, надо удрать! (Бежит в противоположную шуму сторону.)

Толпа мечется по сцене, белогвардейцы
втолкнули Шалвурка.

Шалвурка. Сволочи! Ничего от меня не добьетесь!

Доржи (с револьвером). Я еще побеседую с тобой!

Шалвурка. Поговори, а я с тобой говорить не стану! (Плюнул в лицо Доржи.)

Доржи (белогвардейцам). Уберите его!

Шалвурка выталкивают.

Шалвурка (в дверях). Подлец!

Доржи выстрелил в спину Шалвурка.

Конец второго действия

Действие третье

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Штаб партизанского отряда в русском селе. Комната в деревянном доме. Сюкиев дежурит. Амусев чинит сапоги. Дарлтан чистит пулемет. Протирая винтовку, входит Савр. Хозяйка дома — русская крестьянка — готовит завтрак. Дарма — молодая калмычка — помогает ей. Слышна отдаленная рудийная канонада, короткие очереди пулеметов.

Партизаны (поют).

Кинув мать и отца,
Уезжал я.
Степь родную свою
Защищал я.
Как несется калмык
По равнине,
Враг не в силах забыть
И поныне.

Дарлтан (встал, вытирает руки тряпкой, гладит пулемет). Если вдосталь накормить «максима», — он хорошо отблагодарит потом.

Савр. Этот «максим» верный помощник в нашей борьбе за счастье. Если хорошо стреляет, — больше ничего не надо. (Пауза.) Вы слышите? Это орудия Буденного и Городовикова. Это весть о наступлении новой жизни...

Амусев (неожиданно). Ребята! Кто бы мог подумать, что мы вместе будем сражаться за счастье?

Сюкиев. Это — нашего Хонгра работа...

Дарлтан. Хонгор идет по пути Ленина... Он за Ленина.

Дарма. Он — коммунист.

Амусев (серьезно). Он не коммунист, а большевик. Сергиенко мне говорил...

Савр. Если он за Ленина, — больше ничего и не требуется.

Сюкиев. Мы идем с Хонгром — значит дело выйдет. (К Савру.) Ты, кажется, из Большого Дербета? Хонгор, говорят, из ваших мест происходит.

Савр. Нет, он был народным учителем среди донских калмыков... Сам он — сын бедняка. За Хонгром и Сергиенко можно идти.

Амусев. Мы доверили им и души и жизни...

Дарма. Хонгор давно на родине не был. Богач аймака ждут его, чтобы обезглавить.

Сюкиев. Семья у него есть?

Дарма. Конечно! Но он не может быть дома.
А теперь и подавно!

Дарлтан. Много лет не видеть родных мест и семьи — это тяжелая судьба...

Савр. Хонгор никогда не показывает, что ему тяжело.

Дарлтан. Я рос у берегов Волги, на Калмбазаре...

Пауза.

Волгу считаю родной матерью... Вы еще не знаете Волги... Множество людей добывает на ней свой хлеб. Едва начнется весна — рыбы идет видимо-невидимо. Промысловые рабочие работают день и ночь, и всегда живот пустой, ноги босые, одежда дырявая. Если бы все богатство употребляли только те, которые работают, была бы совсем другая жизнь...

Савр. С Хонгром, с русскими братьями мы идем в бой, и все эти богатства будут принадлежать народу!

Дарлтан *(как бы не слышал)*. Эх, Волга, Волга! Хорошо в лунную тихую ночь выйти на реку. Вот и сейчас я ясно вижу ее... *(Зажмурил глаза.)* Луна... Тихо... Чуть-чуть веет ветерок... Огни Астрахани, как звезды, отражаются на воде. Со стороны Царицына идет снежно-белый пароход, на верхнем этаже богачи, а в нижнем — бедняки с котомками на

плечах, бедняки, ищущие работы... Они поют протяжную песню, в ней слышны слезы. Эх, Волга, Волга! Многоводная ты река, половина твоей воды—слезы горькие народа. В твоих волнах много слез и калмыцкой бедноты.

Сюкиев. Перестань, друг, вспоминать прошлое... Если в боях мы найдем свое счастье, эти красивые места станут еще чудеснее!

Амуев (*внимательно слушавший Дарлтана, говорит с возбуждением*). Нет ничего красивее нашего озера «Цаган Нур». Туманно синее оно по утренним зорям. А что вы скажете о Шорве? О запахе разнотравья степи, похожей на зеленый ковер? Стоит только вспомнить, и кровь становится горячее!

Сюкиев. Вот победим врага—станем ездить друг к другу и устраивать празднества!

Савр (*Сюкиеву*). А у вас есть хорошие места?

Сюкиев. Если рассказывать о нашем синем море¹, это могло бы стать сказкой. Вы знаете, что означают слова «лебедь собирает шугурмук² ранней весной, когда лед становится талым»?

Амуев. Собирать шугурмук? Что это такое?

Сюкиев. А вот что... Лебеди прилетают и спят на льду, как отара овец. Лед ломается, разбивается

¹ Синее море — Каспийское море.

² Шугурмук — мелкие куски льда.

на мелкие куски, и вот лебеди глотают его мельчайшие осколки.

Пауза.

А когда подул ветер с моря — по речным притокам поднимается вода и над льдом образуются озера, по которым едут люди на санях...

Дарма (удивленно). Первый раз слышу, что по воде ездят на санях. Удивительная вещь!

Савр. А у нас есть котловина Бурукчун, недалеко от Цороса. Богата она травами и водой, полна дичью... В предутреннем рассвете — легкий туман, в обед — мираж стоит над ней.

Дарлан. Да, много красивого и чудесного бывает в степи...

Дарма. А вот человеческая жизнь еще не так красива...

Савр. Правильно сказано...

Сюкиев. Прогнать богачей надо, тогда и жизнь изменится...

Пауза.

Утро. Небо чисто. Море просыпается. Издалека от рек, которые несут свои воды в море, слышны песни ловцов, тянущих невод... Люди поют... в их песнях — горькие слезы... *(Вспыхнув.)* Больше не будет горьких слез! Не будет! Нет!

Дарлтан (поет, остальные подпевают).

Смелый русский народ
Полюбил я.
До Карпатских вершин
Доходил я.

В дверях показались Хонгор и Сергиенко, остановились, слушают песню. Партизаны их не видят.

За Кутузовым мчал,
Чтобы шашка
На французские лбы
Пала тяжко.
С храбрым русским народом
Повсюду
Показал я свою
Доблесть-удаль.

Хонгор быстро идет к столу, за ним Сергиенко, партизаны встали. У Хонгора и Сергиенко маузеры.

Хонгор (задумчиво).

За Кутузовым-князем скакал...
Сильного врага я побеждал...
Русскую родину защищал...

Сергиенко. Правдивая песня...

Партизаны вслушиваются в каждое слово Хонгора и Сергиенко.

Хонгор. Эта песня от всего сердца калмыка...

Дверь раскрывается, четверо партизан — двое русских и двое калмыков — вносят тела двух убитых белыми партизан. На мгновение все застыли в напряженных позах. Хонгор и Сергиенко медленно движутся к мертвым, за ними партизаны.

Что случилось?

Сергиенко (медленно). Санал... Трофимов...

Партизаны стоят, склонив головы.

Хонгор. Как же так?.. Что произошло?

1-й партизан. По вашему приказу мы были в разведке.

2-й партизан. Десять конных белогвардейцев гнались за двумя верховыми...

3-й партизан. Мы вмешались. Завязалась перестрелка... Трофимов и Санал упали, сраженные пулями.

Хонгор. Что за верховые? Откуда?

4-й партизан. Мы взяли их в плен.

1-й партизан. Они оказались парнем и девушкой... По показаниям, в покинутом ими хуторе стоит белогвардейский отряд, приблизительно в сто сабель.

Хонгор (Дарлтану). Приведите ко мне пленных.

Дарлтан вышел.

(Обращается ко всем.) Перед нами... (показывает на Трофимова и Санала) лежат русский и калмык...

Оба — дети бедняков. Что такое человеческое счастье — они еще не знали... За будущее счастье русских и калмыков, за счастье бедных и угнетенных они сложили головы...

Пауза.

Сергиенко. Храбрыми бойцами были они... За счастье угнетенных будем драться так, как дрались они... Трофимов — ростовский рабочий, в городе у него осталось двое детей, жена, старуха-мать...

Партизаны еще ниже склонили головы.

Хонгор. Мы никогда не забудем Трофимова и Санаала!.. Не оставим и их семьи!.. (С волнением.) На протяжении всей истории русский и калмыцкий народ дружили, вместе боролись за общее счастье. Калмыки ходили с Разиным и Пугачевым. Служили в Петровской коннице, при войне с Наполеоном не жалели своей крови... За Кутузовым-князем шли... Фельдмаршал Кутузов считал калмыцкий народ народом-богатырем. В наши дни вожди народов Ленин и Сталин стали родными для калмыков. (Устремив взгляд вперед.) Спасибо вам! Кланяемся вам — освободителям, вырвавшим калмыцкий народ из вековой кабалы! (Поклонился.) Вам, живущим в далекой Москве, — Ленину и Сталину, — клянем-

ся! Куда поведете — туда мы и пойдём!.. Да здравствует солнце великой освободительной борьбы!

Пауза. Хонгор склонился над убитыми. Партизаны глядят на мертвых товарищей.

Спите спокойно, мы вас никогда не забудем! (*Целует в лоб Трофимова и Санала. Выпрямился.*)

Медленно опускается занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната. Хонгор сидит за столом, пишет. В дверь стучат. Голос за дверью: «Можно войти?»

Хонгор (поворачивается к дверям). Войдите!

Входят Эрдени, Киштэ, Кашка, Дарлтан.

Дарлтан (с винтовкой в руках). Не двух, а трех привел.

Хонгор. Откуда третий?

Дарлтан. Вторая разведка поймала.

Кашка. Это неправда, я сам пришел... (Дарлтану.) Если б не захотел прийти, меня бы не поймали.

Дарлтан. Так все говорят.

Хонгор. Ну, садитесь... (Дорлтану.) Иванова знаешь? Позови сюда!

Дарлтан. Тот крестьянин, что вчера приходил?
Хонгор. Да, да.

Дарлтан уходит.

Ну, куда и зачем идете?

Эрдени. Мы из аймака Зюн, невтерпеж стало, вот мы и ушли.

Хонгор. От кого же вы ушли?

Кашка. От родного аймака.

Эрдени. На то причина есть.

Киштэ (к Эрдени). Расскажи все! (Смутилась.)

Хонгор (заметив). Может быть, вы расскажете?..

Киштэ. Нет... (Замялась.) Пусть они.

Хонгор (взял карандаш и бумагу). Как вас зовут?

Кашка. Кашка.

Эрдени. Эрдени.

Хонгор (к Киштэ). Ваше имя?

Киштэ. Киштэ.

Хонгор (ко всем). Есть родители?

Эрдени. У меня нет родителей, я сирота...

Кашка. Я тоже сирота.

Киштэ. У меня есть отец, мачеха и не родной брат.

Хонгор (ко всем). Скот имеется?

Эрдени. У меня ни скота, ни земли.

Кашка. У меня тоже... Мы друг на друга эчень похожи...

Киштэ (чувствуя неловкость). Мой отец — богатый человек.

Хонгор. Богатый, говоришь? (Ко всем.) Родственники служат у белых?

Эрдени. Нет!

Кашка. Нет!

Киштэ. Мой брат у белых командиром...

Хонгор (испытующе). Командир? А сейчас где он?

Эрдени. Его отряд в нашем аймаке.

Кашка. И сейчас там избивают народ... Убили орошего человека — Шалворка.

Эрдени (поражен, хватая за руку Кашка). Убили? Шалворка убили? Что же ты молчал все время?

Киштэ плачет.

Хонгор (удивлен). Рассказывайте по порядку...

Кашка (Хонгору). А как вас зовут?

Хонгор. Меня зовут Хонгром.

Эрдени. Хонгор! Хонгор, говорите?

Хонгор. Да, Хонгор. Что вас удивляет?

Эрдени. Нам о вас много рассказывали...

Хонгор. Я — сын бедняка, как и вы... (К Эрдени.) У тебя дедушка есть?

Эрдени. Есть. Он слепой... джангарчи... Ему сейчас семьдесят первый год. Бабушке шестьдесят два.

Хонгор (вспоминая). Джангарчи, говоришь?..

Пауза.

Не Дендя ли он?

Киштэ. Да, Дендя...

Эрдени. Дендя, Дендя! Неужели в чужих аймаках знают моего дедушку?..

Кашка (Хонгру). Вы какого аймака?

Хонгор. Зюнгаровского... (К Эрдени.) Ты родной внук Дендя?

Эрдени. Родной. С тех пор как умерли мои родители, мы нищенствовали...

Хонгор. Я у вас несколько лет был учителем. Давно это было... С твоим отцом Цереном мы за выступление против станичного атамана и ламы тринадцати станиц попали в тюрьму...

Эрдени (обрадованно). С моим отцом? Вы знаете моего отца?

Хонгор. Знаю... Нас выслали на реку Лену... В 1912 году отца твоего расстреляли вместе с другими принисковыми рабочими. Далеко, в Сибири на берегу большой реки похоронили его...

Эрдени (едва сдерживая слезы). Бедный отец... (Пауза. Неожиданно.) Хонгор, вы такой же, как мой отец!.. Я буду вашим сыном... Слушая «Джангар» я всегда мечтал быть сыном Хонгра — батырем Хошун Уланом...

Хонгор. Я знаю «Джангар»... Мы тоже стремимся достигнуть такой страны, как джангорова Бумба. Мы, большевики, найдем эту страну.

Кашка. Возьмите нас с собой.

Хонгор. А вы не боитесь?

Киштэ. Нет, не боюсь.

Хонгор. Идет борьба... Вы увидите кровь, страдания... Люди, сражающиеся за новую, свободную родину, не могут не встретить на пути трудности и лишения!

Все трое. Мы пойдем с вами!..

Хонгор (к Киштэ). Вы, девушка, хорошенько подумайте... Ведь ваша семья — чужая нам. Может, вернетесь?

Киштэ. Моя семья и мне стала чужой. Я жила хуже, чем дети бедноты; мачеха иссушила душу мою...

Хонгор. Вы вместе выехали?

Кашка (улыбаясь). Им неудобно говорить о себе.

Эрдени и Киштэ тоже улыбаются.

Они любят друг друга. Родители Киштэ засвата-

ли ее за богатого жениха. В день свадьбы Киштэ и Эрдени убежали из родного аймака. Теперь они в ваших руках.

Хонгор. Хорошо. (К Кашка.) А вы почему здесь?

Кашка. Я вслед за ними скакал с известием, увидел ваш отряд и решил служить вам...

Эрдени. С известием о гибели Шалворка?

Хонгор. А что за человек этот Шалворка?

Кашка. Хороший, радостный человек. Его убил Доржи.

Киштэ. Если б не было Шалворка, мы не попали бы к вам.

Хонгор. А кто такой Доржи?

Кашка. Командир белых.

Киштэ. Лучше бы не иметь такого брата!

Кашка. Шалворка убит. Ему не помочь... А вот других надо отнять у Доржи...

Эрдени. А кто у него в плену?

Кашка. Твои дедушка и бабушка. Их связали и избивают.

Эрдени (изменившимся голосом). Но ведь они ни в чем не виноваты...

Хонгор (задумался). Сколько белогвардейцев в аймаке?

Кашка. Сто с лишним.

Эрдени (обрадовался). Вы хотите поехать туда? (Вопросительно смотрит на Хонгора.)

Хонгор. Есть у них пулемет?

Кашка. Я не заметил...

Хонгор. Хорошо! Мы уничтожим эту банду!
(Сурово.) Если в ваших словах есть хоть капелька неправды, то прощения не ждите; я не жалею тех, кто меня обманывает!

Кашка. В наших словах все правда...

Входят Амуев, Дарлган, Иванов, Сергиенко, Савр.

Хонгор (встал, поздоровался с Ивановым; Амуеву). Фураж и продовольствие готовы?

Амуев (отдает честь). Приготовили, только овса маловато!

Хонгор. Я так и думал. (Иванову.) У вас овса много?

Иванов. Подводы на две можно набрать.

Хонгор. Отлично! (Сергиенко.) Иванов нашел овес, спрятанный в сарае сбежавшего кулака.

Сергиенко. Надо взять!

Амуев. Тогда все в порядке!

Хонгор (Иванову). Благодарю вас, товарищ Иванов. (Жмет руки.) Если там, где мы проходим, бедняки вот так же будут помогать нам, то нет сомнений в том, что мы победим.

Иванов прощается, уходит.

Хонгор (*Амуеву*). Возьмите овес и возвращайтесь быстрее, надо выезжать. (*Показывая на Кашка, Эрдени и Киштэ.*) Этих товарищей вооружите и внесите в список отряда.

Амуев (*к Кашка, Эрдени, Киштэ*). Пойдемте!

Вышли.

Хонгор (*Сергиенко*). Здесь недалеко Зюн-аймак. Говорят, там банда белогвардейцев. Надо разбить ее.

Сергиенко. И быстрее присоединиться к Буденному и Городовикову.

Хонгор. Правильно!.. (*Дарлтану.*) Мы вчера отбили у белогвардейцев патроны. Сколько их набрались?

Дарлтан. Савр подсчитывал.

Савр. Около восьмидесяти тысяч.

Хонгор. А пулеметные ленты есть?

Дарлтан. Есть, есть!

Хонгор (*улыбается, Дарлтану*). Выходит, тебе счастье подвалило?

Дарлтан. Теперь «максим» поработает.

Хонгор (*подумав*). «Максима» оставишь товарищам, сам возьми ручной пулемет и двух бойцов, пойдешь в голове отряда. (*Заряжает маузер.*)

Дарлтан. Куда поедем?

Хонгор. В аймак Зюн... Из трех новых возьми с собой Кашку... (Сергиенко.) Готовьте отряд, сейчас отправимся!

Сергиенко (отдает честь). Слушаюсь! (Вышел.)
Хонгор (Савру). Приведи моего коня!
Савр (отдает честь). Слушаюсь! (Вышел.)

Входит Дарма в полной боевой форме, на боку наган.

Хонгор (Дарме). Дарма, здесь есть девушка Киштэ, возьми ее к себе.

Дарма. Ладно!

Хонгор. Иди, скажи Амуюву, пусть даст этой девушке коня Санала...

Дарма. Она имеет своего коня...

Хонгор. Тем лучше... Эрдени я возьму к себе. Хотя... Передай Сергиенко, чтобы направил его к пулеметчикам, пусть изучает пулемет.

Дарма (отдает честь). Слушаюсь! (Ушла.)

Хонгор (одед маузер, тихо). На протяжении всей жизни я хотел быть учителем, мечтал об этом... Но вышло не так!.. Драться за народное счастье, бороться с врагами и побеждать их — вот что стало моей специальностью. Ничего! Хонгор, о котором рассказывается в «Джангре», тоже такой. Как бы я хотел хоть немного походить на того Хонгра. Из-

вечная мечта калмыцкого народа — страна Бумбы
будет создана новыми Хонграми... Большевики —
это богатыри, равных которым еще не было в исто-
рии человечества... Богатыри богатырей!

Входит Савр.

Савр. Конь готов!

Хонгор. Хорошо! *(Идет к выходу.)*

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

*Дом аймачного управления. Вооруженные бело-
гвардейцы. За столом сидит Доржи. Против
него старик Дендя, Намджл и жена Шал-
вурка. Они плачут. На столе лежит наган. Зало-
жив за спину руки, прохаживается аймачный
атаман. Здесь же Арзык и жених Киштэ.*

Доржи *(грозно Дендя)*. Почему ты не сказал
нам, что они собираются удирать?

Дендя. Мне нечего сказать... Я не виноват...
Эрдени тоже не виноват...

Доржи *(кричит)*. Нечего сказать — не виноват!..
Или тебе мало того, что выпали? *(Подходит к Ден-
дя.)* Скажешь, где они... или нет? *(Размахнулся, уда-*

рил Дендя в лицо.) Ни одного волоска не оставлю в твоей бороде.

Дендя (медленно). Человеку, живущему подаяниями... откуда взять сил, чтобы спорить с тобой?

Жених Киштэ. Почему же ты позволил внуку украсть чужую девушку?

Дендя. Не крал он... Люди, которые убили невинного и безоружного Шалворка...

Доржи. Молчи!..

Дендя. ...им ничего не стоит убить нас всех!

Доржи. Замолчи! (Силой толкнул Дендя, тот упал.)

Дендя (с трудом поднялся, иронически). Какой сильный человек! Если может побороть еле передвигающего ноги старика, значит он батыр!

Доржи (схватил револьвер). Застрелю!

Арзык (взялся за револьвер, Доржи). Не спеши!.. (К Дендя.) Найди нашу девушку или оплати свадебные расходы. (Показывая на жениха Киштэ.) Возмести убытки этому человеку!

Дендя. Я не вижу этого человека... Черный джолум и черный котел — вот все, что есть у меня. Если этого мало, пусть берет старуху и меня...

Жених Киштэ. Над кем издеваешься?

Дендя. Я даю тебе все, что есть у меня.. (По-

дает палку.) На, и палку мою возьми! Больше ничего не могу предложить!

За сценой — одинокие винтовочные выстрелы.

Доржи (волнуясь). Хватит... (Белогвардейцам.)
Уведите их...

Увели.

Жених Киштэ (к Доржи). С этих ничего не возьмешь. Вы сами возместите расходы, девушка ваша мне не нужна.

Доржи (вспыхнул). Ты понимаешь, с кем разговариваешь?

Жених Киштэ. Понимаю... Я разговариваю с родными моей невесты.

Доржи (зло). Чорта лысого!.. (Показывает на Арзыка.) Вот ее родитель стоит!

Арзык (замахал руками). Нет, нет! Ты свадьбу назначал!

Доржи. Что?

Вблизи застучал пулемет, слышны винтовочные выстрелы.

Аймачный атаман. Что случилось?

Все заволновались, за окном раздался выстрел. В двери дуло ручного пулемета. Показались Дарлтан и Кашка.

Дарлтан (с пулеметом, направленным на белых).
Ни с места! Руки вверх!

Вошел Хонгор, потом Сергиенко, Эрдени
и Киштэ.

Арзык. Боже мой!
Доржи (в страхе). Киштэ, ты откуда? Зачем?
Киштэ. На свою свадьбу приехала! (Всмагри-
вается в лицо отца.)

Жених Киштэ от страха сел на пол.

Хонгор. Кто у вас глава?

Аймачный атаман опустил руку в карман.

Кашка (ударил по руке атамана рукоятью на-
ана). Руки прочь!

Аймачный атаман поднял руки.

Глава — он!

Хонгор (к Эрдени, Дарлтану и Кашка). Об-
щите!

Эрдени вынул из кармана атамана револьвер. Кашка
снял револьвер с Доржи. Дарлтан взял револьвер,
лежавший на столе. Арзык дрожит. Жених Киштэ
молчит, пораженный.

Садитесь! (Сергиенко.) Если в тюрьме кто-нибудь

есть,—выпустите! *(Подумал.)* Нет, приведите сюда!

Сергиенко. Слушаюсь! *(Вышел.)*

Хонгор *(к Эрдени)*. Скажите Амуеву, чтобы накормил отряд.

Эрдени *(отдает честь)*. Слушаюсь! Потом можно будет повидать дедушку и бабушку?

Хонгор. Можно! Только быстро.

Эрдени. Слушаюсь! *(У дверей сталкивается с Сергиенко, за которым входят измученные Дендя, Намджл и жена Шалвурка.)*

Сергиенко *(входя)*. Это — арестованные белыми...

Эрдени *(поражен)*. Ддд... дедушка... б... б... бабуся мои. *(Упал к их ногам.)* Что они с вами сделали?

На глазах Киштэ слезы.

Дендя *(нагибается)*. Такой же голос у Эрдени. *(Сомневаясь, выпрямился.)* Я, наверное, схожу с ума... слышу плохо...

Намджл. Он, наш Эрдени... Киштэ...

Киштэ подошла к Намджл.

Дендя. И тебя поймал Доржи?.. Не плачь.. Значит, такая наша судьба..

Хонгор *(волнуясь, подходит к старику)*. Доржи вас мучил? Издевался?

Дендя. Знаешь... видишь... опять издеваешься...
(Принял Хонгра за Доржи.) Доржи, лучше убей нас на месте... (Снял шапку, хочет поклониться.)

Хонгор (остановил старика). Дедушка, не кланяйтесь... (С волнением.) Вас никто не тронет... (Обнял седую голову старика.) Дендя, я такой же, как ваш сын... (Поцеловал в лоб старика.)

Дендя (поймал за руку Хонгра). Кто ты? Кто он? Что ты делаешь? Чего ты хочешь?

Эрдени (приподнимаясь). Дедушка, это Хонгор, командир партизан!

Хонгор (ведет старика и старуху к стульям. Села и жена Шалвурка). Садитесь, отдохните... (Сергиенко и Кашка.) А беяков посадите в тюрьму!

Сергиенко. Слушаюсь! Ну, идите!

Кашка (женеху Киштэ). Встань, и не смотри, как сова!

Сергиенко и Кашка повели Арзыка, Доржи, атамана и жениха Киштэ. Навстречу вошел Савр.

Савр (докладывает). Шестьдесят два человека взяты в плен... четыре белогвардейца убиты... с нашей стороны погибло трое.

Хонгор. Погибших товарищей надо одеть в лучшее, что у них есть. Похороним с воинскими почестями.

Савр (отдает честь). Слушаюсь! (Ушел.)

Дендя (Хонгору). Вас зовут Хонгром?

Хонгор. Да, да. Будем знакомы, дедушка!

Дендя. Не ты ли был учителем у нас?

Эрдени. Он, он! Дружил с вашим сыном...

Хонгор. Да, я знал вашего сына.

Дендя. Две горы не сталкиваются, а два человека встречаются — вот наша мудрая правда. Значит, с нашим Цереном был знаком?

Намджл. А где же наш сын, что случилось с ним?

Эрдени. Сына вашего нет больше в живых.

Намджл. Ждали-ждали мы его и не дождались.
(Плачет.)

Дендя. Что ж делать? Судьба его, значит, была такая... Все равно он не воскреснет, слезами не можешь...

Хонгор. Да, прошлого не вернешь... Теперь важно, чтобы живым жилось хорошо.

Входят Амуев, Сергиенко, Кашка.

Амуев (докладывает Хонгору). Приказ выполнен... Шестьдесят два человека, которых мы взяли в плен, хотят идти с нами. Местные жители на своих лошадях в полном вооружении присоединяются к нам; хотят вас видеть...

Хонгор (Сергиенко). Надо составить список. Сергиенко. Согласен.

Хонгор (Амуеву). На тех, кто хочет идти с нами, составить список. Понял?

Амуев. Понял. Можно идти?

Хонгор. Иди! (Обращаясь к Дендя.) Как жили эти годы, дедушка? Все «Джангар» рассказываете?

Дендя (с волнением). Не вижу, не понимаю, какой ты человек?.. Где сидишь?.. (Нашел. Гладит плечо и голову Хонгора.)

Хонгор (смеясь). Сажу на месте!

Дендя. А я... нищенствовал и «Джангар» рассказывал... А вы все это время где были?

Хонгор. С тех пор как я разлучился с вашим сыном, успел побывать еще раз в тюрьме, из тюрьмы меня погнали на австрийский фронт, там я вступил в большевистскую партию... Теперь, после революции, вернулся домой защищать таких, как вы.

Дендя. Что же, найдется для нас счастье или нет?

Хонгор. Найдется, дедушка, увидишь — найдется!

Дендя. А как будет с землей и скотом?

Хонгор. Земля и скот на нашей земле — все

должно быть нашим. *(Немного подумал.)* Во многих местах я был, многое видел... Наша страна очень богата. Есть степи широкие, похожие на шелковые ковры; есть густые леса с обилием дичи и пушнины; есть белоснежные горы, воспетые в вашем «Джангаре», моря, океаны, быстротечные реки, спокойные озера с зеркальной поверхностью вод... На всем пространстве земли трудится бедный люд... И все это теперь будет нашим. *(Тихо.)* Вы, Дендя, будете рассказывать «Джангар», вы будете уважаемым, почетным человеком...

Дендя. То, что ты сказал, похоже на страну Бумбы!

Хонгор. Мы, большевики, создадим страну Бумбы. Люди станут жить хорошо... Вас больше никто не обидит... Голубое небо, что высится над вами, станет еще прекраснее, красное солнце согреет всех,— и люди выпрямятся!

Дендя *(с волнением, встал)*. Мои слепые глаза станут зрячими... Ты меня вырвал из черного ада! Большевики! Живите счастливо вовеки веков!

Входит группа людей. Хонгор встал, люди сняли шапки: русские, калмыки. Дендя вслушивается.

Хонгор *(народу)*. Вы куда идете?

Голоса пришедших. Мы пришли записать-

ся в ваш отряд. Мы вооружены, у нас кони... Во имя счастья народа мы не пожалеем ни сил, ни крови. Хонгор, мы пойдем за вами...

Хонгор (*волнуется, тихо*). Вы пойдете не за мной. Я рядовой член большевистской партии... Вы пойдете за партией Ленина—Сталина! (*С воодушевлением.*) Ленин, Сталин! Посмотрите на русских и калмыков из калмыцких степей! Вы хоть и живете в Москве, но находитесь среди нас, ибо вы—в нашем сердце... (*Поднял руку.*) Да здравствуют Ленин и Сталин!

Весь народ. Да здравствуют Ленин и Сталин!

Быстро входит русский красноармеец. Подошел к Хонгору.

Красноармеец. Вам—от Ворошилова! (*Подает письмо.*)

Сергиенко. Климент Ефремович луганский рабочий...

Хонгор (*распечатал письмо, читает*). Хорошо!

Все смотрят на него.

По поручению Сталина прибыл на станцию Гашун командарм-10 Ворошилов... По поручению Ленина прибыл в Царицын Сталин...

Народ. Ворошилов! Сталин в Царицыне!
Хонгор. Нас всех требует Ворошилов!.. (Красно-
армейцу.) Мы поедем вместе с вами!
Народ. К Ворошилову! К Сталину! К Ленину!

К о н е ц

СЛОВНИК

Цаган Сар — первый весенний месяц.

Боорцук — крендели, зажаренные на масле или
на жиру.

Будан — суп.

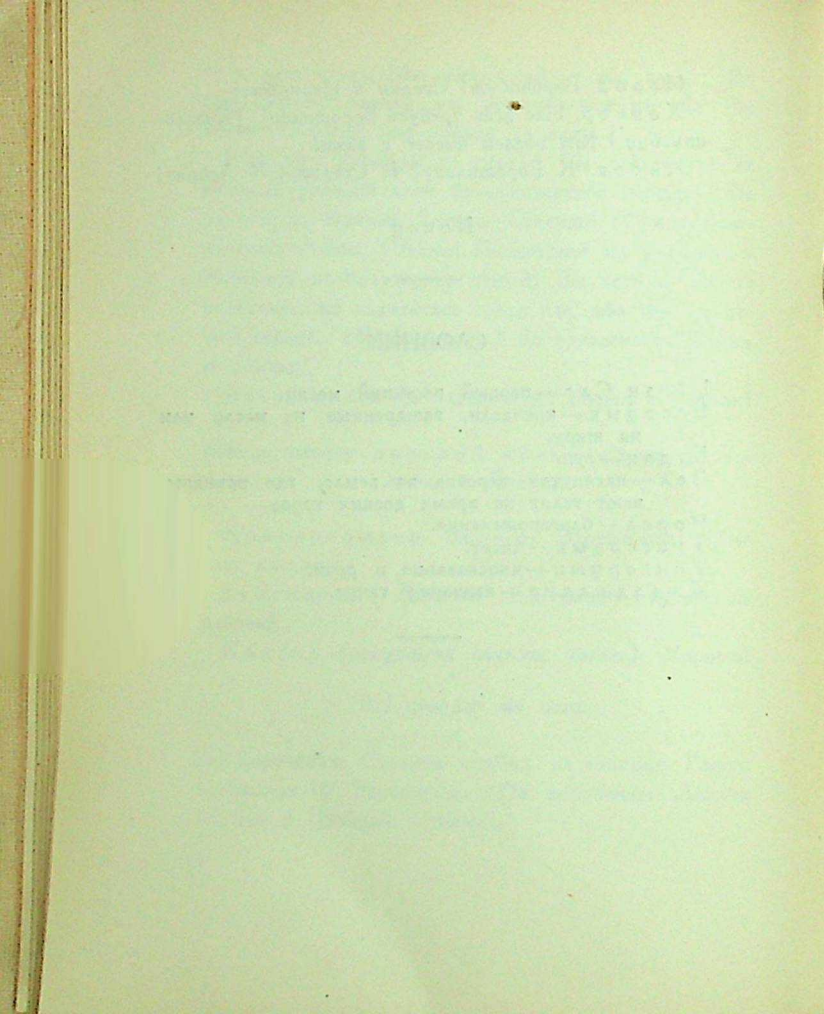
Зел — натянутая веревка на земле, где привязы-
вают телят на время доения коров.

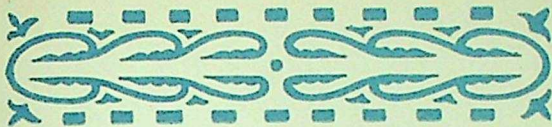
Йорел — благопожелание.

Тунгерцук — кисет.

Тонгорцук — иносказание в речи.

Джалджадур — название танца.

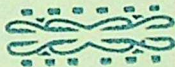

БАТА МАНДЖИЕВ

В С Т Е П И

Пьеса в трех действиях

Перевод с калмыцкого
и литературная обработка
В. Бугаевского

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

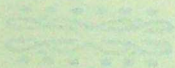
PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 311

LECTURE NOTES

BY

PROFESSOR

Действующие лица

Басанг Шургчиев — парторг и бригадир коневодческого колхоза.

Тэвкик — его мать.

Джиндя — его брат, школьник.

Мерген — председатель правления колхоза.

Довда — старик, колхозный сторож.

Бультин — его дочь, счетовод правления колхоза.

Сара Луджиевна — учительница.

Шургчи — учитель.

Бада — табунщик.

Хар — ветеринар.

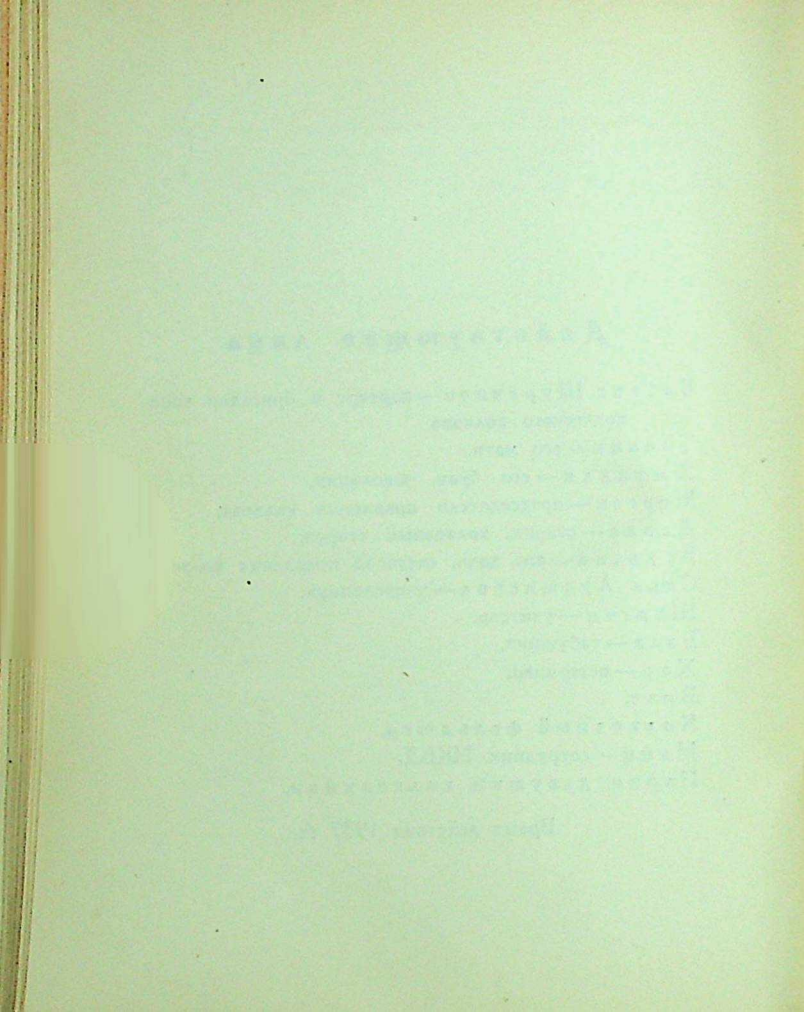
Врач.

Колхозный фельдшер.

Манц — сотрудник НКВД.

Парни, девушки, колхозники.

Время действия 1937 год.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом Довды. Чистая, светлая комната. Направо — дверь в другую комнату. Посреди стол, за которым сидят Довда и Бультин. Довда пьет чай. Бультин считает на счетах.

Довда. Бультин, взгляни-ка, который час?

Бультин. Без четверти девять.

Довда. Ну, значит, мне пора на боковую. Мои глаза никогда не ошибаются. Чуть только солнце подымается повыше, они слипаются... Начинается борьба со сном...

Бультин. И вы всегда терпите поражение.

Довда. Попробуй-ка, разве можно дни и ночи бороться с таким богатырем, как сон?

Бультин. Папа, а по ночам на работе вам хочется спать?

Довда. Нет! Привык уже. Слава богу, десять

лет сторожем. За такой срок ко всему привыкнешь. Сколько же ночей это я не спал уже? И не сосчитать.

Бульгин (*щелкнула на счетах*). Очень просто— три тысячи пятьсот шестьдесят две ночи.

Довда. Привык, привык уже. А вот ты-то как?! Стоит тебе до полночи погулять с Басангом, а такой у тебя вид, как будто целую неделю не спала.

Бульгин. Это оттого, что нет привычки.

Довда. Привыкать надо. Или, знаешь, еще лучше — поторопиться со свадьбой.

Бульгин (*хохочет*). Свадьба? Но как же мы можем сыграть свадьбу? Ведь для настоящей, законной свадьбы требуется зурхачи. А то кто же устанавливает мой возраст, кто заверит, что я уже имею право выходить замуж? Какая же это свадьба без зурхачи? А где его теперь отыскать?

Довда (*улыбаясь*). И то правда. Теперь, хоть объедешь всю Калмыкию, ни одного зурхачи не найдешь. Ну, что ж, обойдемся без зурхачи. Басанг поверит, что ты уже взрослая. В крайнем случае я подтвержу это. Сам буду вашим зурхачи. А как же, привыкать надо. Согласна? (*Обнимает дочь.*) Ну, мне пора спать. Без дела не буди. (*Уходит в соседнюю комнату.*)

Бульгин (*одна. Считает на счетах*). Тысяча семьсот триста пятьдесят, четыреста пятьдесят. Получается две тысячи пятьсот. (*Записывает.*) На пу-

тевки нужно пять тысяч рублей, на клуб — пятьсот рублей двадцать восемь копеек.

Входит Басанг; во всей его фигуре видна красноармейская выправка.

Итого...

Басанг. Итого пять тысяч пятьсот рублей.

Бульгин. Двадцать восемь копеек.

Оба хохочут.

Тсс, тише, отец спит.

Басанг. Ничего, он тоже своей колотушкой людям по ночам спать не даст.

Бульгин. Привыкать надо, как он говорит.

Басанг. Вот уж сколько времени, как я вернулся из армии, а все привыкнуть не могу. В армии часовому не разрешается издавать ни единого шороха, ни единого звука.

Бульгин. В армии! Опять в армии... Когда-нибудь ты, наконец, забудешь, что было в армии?

Басанг. Если тебе понравился демобилизованный красноармеец, то ты должна уважать его привычки.

Бульгин. Я не о том. Но, Басанг, дорогой, почему я от тебя так редко слышу ласковое слово? Когда ты со мной разговариваешь, то только и слышится: штык, винтовка, приклад, выпад... Отвыкать тоже иногда полезно.

Басанг (смеясь, пытается обнять ее). Милая!

Бультин. Ну, вот, а эти бесконечные знаки отличия... (Указывает на грудь Басанга.) О них только оцарапаешься. Если так всегда будет, то не только девушка, но и блоха от тебя ускачет.

Басанг. Да, ты, может быть, права. Я не умею красиво говорить. Зато там, на границе, где бы и когда бы я ни стоял на посту, всегда ты была передо мною (кладет ей руку на плечо) — вот такая.

Бультин. Будь я твоим командиром, дала бы тебе наряд на три дня дрова колоть за то, что ты на боевом посту видел воображаемую девушку вместо настоящего врага.

Басанг. Уставом это не предусмотрено. (Целует ее.)

Бультин. А это по уставу?

Басанг. Тоже нет, но не всегда можно жить по уставу. Бультин, разбуди отца. У меня к нему дело.

Бультин. Какое дело? Мне нельзя знать?

Басанг. Не финансовое. Об одном коне хочу справиться.

Сара (входит с книгой). Вот обещанная книга. Только тут герой не счетовод, а пограничник.

Бультин. Опять пограничник. Я про них уже больше знаю, чем это может быть описано в десяти романах.

Сара (вздыхнув). Воображаю! Слушать, должно быть, много интереснее, чем читать. Рассказчик сидит, тесно-тесно прижавшись, и говорит, говорит до

заката молодого месяца... (*Перебивая себя.*) Простите... Я зашла не во-время и помешала. Продолжайте. (*Направляется к двери.*)

Б а с а н г. Сара, постой, я все забываю спросить: как учится мой братишка?

С а р а (*кокетливо взглянув на Бультин*). Басанг стал уже забывчивым! Джидля — молодец. Ничего плохого о нем не скажешь.

Б а с а н г. Но он шалун. Вы должны мне сказать, если он будет плохо себя вести...

С а р а. Наша задача сначала самим попытаться воздействовать на ученика, а уже потом, если ничего не помогло, сообщить родным...

Б у л ь т и н. Она говорит в точности, как Хар: «Ветеринары существуют не для того, чтобы лечить, а для того, чтобы предупреждать болезни»... Так, кажется?

Б а с а н г. Я все еще не могу понять, кто кому подражает, но ясно только одно...

С а р а. Что ясно?

Б а с а н г. Что Хар замечательный парень. Такой замечательный, что неудивительно, если он влияет на тебя или ты на него.

С а р а. Да это просто заговор влюбленных. Мужчины в заговоре.

Б а с а н г. Женщины тоже... Нет, по правде говоря, Хар — действительно, стоящий, работающий человек. Даже с вашими ребятами как он возится.

Сара. Устраивает для них беседу за беседой.

Бультин. А наши колхозники как его любят! Стоит только скотине подозрительно чихнуть, как они уже рады вести ее к Хару. И он лечит и предупреждает, предупреждает и лечит... И еще читает лекции, так что все колхозники скоро смогут сдать экзамен на ветеринаров.

Сара. Может быть, уже довольно говорить о нем? Кому он был бы нужен, если бы не был хорошим работником?..

Басанг. О плохом человеке не ведут хорошего разговора.

Довда (входя). Было бы очень хорошо, если бы совсем не вели о нем разговора.

Басанг. Почему?

Довда. Я бы смог выспаться.

Басанг. Виноваты... но, Довда, я зашел, чтобы узнать, как ведет себя Аризал после того, как я на нем съездил в Элисту.

Довда. Да будь он проклят!

Басанг. Аризал? Почему?

Довда. Да потому, что теперь, кроме тебя, он никого не признает. Дикий какой-то. Корму подсыпать, почистить стойло нельзя. Никого к себе не подпускает. Сразу на дыбы, и ну плясать. Хорошо, что ты уже вернулся.

Джидля (стремглав вбегает в комнату. Увидев Сару, смутился, поправил пионерский галстук, одер-

нул куртку). Беда! Аризал ударил Хара во время осмотра!

Басанг. Что с Харом?

Джидля. Упал... лежит...

Сара стоит, с трудом сдерживая волнение.

Басанг. И там никого рядом не было? *(Выбегает.)*

Джидля. Нет, никого.

Довда. Вот несчастье! Сколько раз я говорил ему: будь осторожен с Аризалом. Нужно, чтобы лошадь к тебе сперва привыкла. *(Уходит вместе с мальчиком.)*

Сара. Я тоже иду... Ведь это, может быть, на смерть.

Бультин. Никуда я тебя не пушу. Не волнуйся. Всегда надо надеяться на лучшее.

Сара. Удар копытом! Страшно подумать...

Бультин. Я тебя не узнаю, Сара. Ты стала чувствительной, как барышня из старых романов.

Сара. А я... дивлюсь Басангу. Как он мог любить такую бесчувственную девушку?.. Телеграфный столб... Пойми, Бультин, с каждым днем мне становится яснее, что жить без него невозможно. *(Плача, обнимает Бультин.)*

Бультин. Вот и хорошо, свадьбу сыграем.

Сара. Бультин, пойми, Бультин, как это хорошо, что мы с тобой любим таких честных, хороших пар-

ней... Ведь это такое счастье! Счастливей нас, кажется, никого на свете нет. Только все было бы благополучно... Но отчего они так долго не возвращаются? Мне страшно. Может быть, удар в грудь...

Бультин. В грудь! А как же он тогда будет обнимать тебя? Ведь ты же сама только что говорила, что мы должны быть счастливыми. (*Обнимает Сару.*)

Входят Басанг и Довда.

Бультин. Ну, что?

Басанг. Ничего опасного, удар пришелся по руке.

Довда. Слегка опухла правая рука, но это ничего, обнимать девушек он сможет.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Правление колхоза. На стенах плакаты. Телефон. Мерген, Басанг, Хар (правая рука у него на перевязи) и Бада.

Мерген (*продолжая*). ...Бада, с теми двумя двухлетками надо торопиться. Объезжай их, а то совсем одичают, и тогда даже тебе с ними не сладить.

Бада. Не было случая еще, чтобы я упал с необъезженного коня, да и не вечно мне возиться с двухлетками, пора переходить на настоящих...

Мерген. Хорошо, учтем. А пока следи, Бада, за табуном. Почаще меняй пастбища. Я тебя не учу. Нет в республике колхоза, где бы о тебе не слышали. Лучшего табунщика не найти, но я как хозяин должен обо всем думать и заботиться. Ведь кони наши.

Басанг. Да, с двухлетками поторопись. Обьезжай их. Они нам скоро понадобятся.

Бада. Не беспокойтесь, все будет сделано. Я отправляюсь.

Мерген. Поезжай, поезжай... привет табунщикам. Скоро сам буду у вас.

Бада. Приезжайте, вот, вместе с врачом. Он у нас часто бывает. (Уходит.)

Хар. Я к ним завтра еду. Давайте все вместе соберемся. Там у них очень хорошо. Я учусь у Бады ездить на диких жеребцах.

Мерген. Обязательно съездим. Сколько бы ни было работы, как только туда попадешь, сразу отдохнешь. И, кроме того, не забывайте, что табуны — это основа нашего колхозного имущества. Да, кстати закончим это дело... (Вынимает из стола бумагу, читает ее.) Нам поручается выделить из табунов нашего колхоза пять племенных жеребцов для конезавода. Как вы на этот счет, а?

Басанг. Тут все ясно, вопрос бесспорен.

Хар (прерывая Басанга). А вы, председатель, как решили?

Мерген. По-моему, жеребцов отдавать не следует.

Басанг. Как?..

Мерген. Не существует такого закона, по которому можно было бы раздавать колхозное добро. Жеребцы наши. Мы их вырастили. Понимаете — они наши, накопленное нами колхозное имущество. Сейчас приказывают их отдавать, а завтра меня будут судить за то, что я разбазарил колхозное имущество. Да, кроме того, и колхозники этого не разрешат. Это добро принадлежит им.

Басанг. Жеребцы должны быть переданы конезаводу, а мнения колхозников предрешать нельзя. Вы, Мерген, хоть предколхоза, но в данном случае ошибаетесь.

Мерген. Слышали? Хар, ты слышал? Сам же бригадир настаивает на передаче.

Хар. Слышал. Ну что ж, может быть, у товарища Басанга есть на то какие-нибудь веские основания. Спросите его.

Басанг. Как будто председатель ничего не знает и не понимает... Где это сказано, что можно выращивать хороших коней, скакать на них, ломать им ноги, а потом сдирать с них шкуру и продавать Союзкоже? Основание то, — что стране, Красной Армии нужны хорошие кони. Бада их для того и объезжает...

Мерген. Спасибо за агитацию, все же хозяева мы.

Басанг. Где же я был до сих пор, что не знал, кто ты таков?

Мерген. В Красной Армии.

Хар. Басанг, председатель, может быть, и не прав, но он любит наш колхоз. Этих жеребцов мы сами вырастили, заботились о каждом из них и теперь понятно, что ему жалко их отдавать. Ведь это вполне естественно.

Басанг. Хар, дорогой мой, ведь мы не кому-нибудь отдаем, а нашей родине, значит себе же...

Мерген. Что ушло с нашего двора, то уже чужое.

Басанг. Мерген, для чего пишутся распоряжения? Для того, чтобы их безоговорочно исполнять! Так вот, пожалуйста, исполняйте.

Мерген. Ты брось эти командирские привычки! Здесь не армия, а колхоз, все решается мнением большинства.

Басанг. Иногда, Мерген, ты говоришь лишнее..

Мерген. Хватит, вполне ответственно говорю. Жеребцы наши, и мы их не отдадим.

Басанг (почти крича). Ты не имеешь права решать единолично! Созывай собрание! Пусть колхозники сами решают.

Входит Сара.

Они не такие собственники, как ты.

Хар. Правильно! Созывайте собрание, Мерген. Общественное слово — это правильное решение.

Мерген. Хорошо. Пусть будет так. Решает собрание.

Басанг. А перед собранием обдумай все, что ты здесь говорил. Нельзя жить случайными мыслями или настроениями. (Уходит.)

Сара. Зашла по небольшому делу, а застала большой спор.

Мерген. Спор взрослых, а ты, наверно, больше привыкла к шуму ребят. Ну, что у тебя за дело? Выкладывай!

Сара. Кончается учебный год. Хорошо было бы отправить наших отличников в какую-нибудь экскурсию.

Мерген. Да, ну что ж, затея хорошая. Пусть съездят, посмотрят, ну, хотя бы Москву...

Сара. Хорошо бы пять-шесть ребят послать...

Мерген. Посылайте, посылайте, не возражаю.

Сара. Для этого нужны деньги.

Мерген. Деньги? Какие деньги?

Сара. Для экскурсии.

Мерген. Опять на колхозную кассу заритесь? После большого спора — маленький. Что ж это такое?..

Хар. Мерген, не пугайтесь, денег нужно немного. Расходы на поездку ребят всегда берут на себя колхозы. Это уже обычай такой.

Мерген. Ты кто сейчас — ветеринар или учитель?

Хар. Да при чем тут это, просто разъясню вам...

Мерген. Непонятны мне твои разъяснения. То беречь колхозное добро, то растрачивать его.

Хар. Но ведь это разные дела. Там мы лишимся пяти лучших жеребцов, а тут наши ребята поедут и вернутся обратно, обогащенные знанием. Это для колхоза прибыль. И, кроме того, обычай. С обычаем никогда бороться не следует.

Мерген. Ну уж, ладно. Раз ты советуешь, пусть будет по-твоему. Пошлем ребят. (Сара.) Сообщи, сколько понадобится денег и кого посылать будем. (Уходит.)

Сара. Спасибо, что заступился, ведь он бы отказал.

Хар. Прочла?

Сара. Да.

Хар. Понравилось?

Сара. Нет.

Хар. Почему?

Сара. Потому что уж очень ясна идея этой книги. Нет на земле лучшей расы, чем монгольская. Правда, мысль проведена очень тонко.

Хар. Я тебя предупреждал, что книга написана буржуазным японским писателем, что установки в ней не наши. Но там много географического и этногра-

фического материала. Тебе, как географу, это должно быть интересно.

Сара. Из-под этой этнографии выглядывает рожа панмонголизма.

Хар. Молодец, все ты у меня понимаешь. Поэтому я тебе и решил дать эту книгу. Я знаю, что ты бражескую идею отбросишь, а фактический материал с выгодой используешь на своих уроках.

Сара. Да, но все это так тесно переплетено, что очень легко впасть в ошибку.

Хар. Ну, тогда забудем этот разговор. *(Пауза.)* У меня есть более важный для меня вопрос, а ты уклоняешься от ответа.

Сара. Но ведь все это так недавно началось, а ты меня торопишь.

Хар. Ну, понятно, почему я тороплю: «если два хозяина согласны, какое ваше дело, хотон», — так ведь говорит наша народная поговорка.

Сара. Нельзя же так: сегодня только объяснились в любви, а завтра уже свадьба.

Хар. Ну, это ты преувеличиваешь. И, кроме того, Сара, ты меня прекрасно знаешь. Ведь я зря на ветер слов не бросаю. Если я говорю, что люблю, то, значит, это так.

Сара. Так-то так, но...

Хар, оглянувшись вокруг, обнимает Сару. Поцелуй. Входит Довда. Увидев целующихся, удивленно пьтится в дверь. Сара и Хар заметили его.

Довда. Простите, но я надеялся застать тут председателя. Если бы я знал, что здесь происходит, то, честное слово, не входил бы.

Хар. Раз уж вошли, то уходить нельзя.

Довда (Сара). Видишь, я был прав: он еще может обнимать девушек.

Хар. Не ошиблись, старина.

Довда. Я зашел сюда, чтобы поговорить с другом, живущим в Элисте. (Указывает на телефон.) Объясни мне, как это сделать. Мне еще не пришлось им пользоваться.

Сара. Вот ручка, ее нужно покрутить, потом вы берете трубку и вызываете «Элиста, Элиста». Вам отвечают. Тогда называете того, кто вам нужен, и указываете, где он живет.

Довда. Понятно.

Сара. Ну, вызывайте. (Уходит вместе с Харом.)

Довда (один, подходит к телефону). Вижу, что штука эта тонкая, не то что ходить по ночам с колотушкой. (Неуверенно крутит ручку и осторожно берет трубку.) Элиста, Элиста! Молчит! Элиста! (Обрадованно.) Говоришь, «Элиста слушает»? Хорошо! Что? «Не шалите»? Что я вам, мальчуган: «Скорее говорите»? Слушайте, слушайте, вот я говорю. Мне нужен мой товарищ Шургчи Дорджиев. Он работает сторожем в школе. (Сердито.) Что? Ты не кричи, может быть, я тебе в отцы гожусь. Ты, ка-

жется, еще молодая девушка. Старуха? Тогда тем более не должна кричать, потому что я (*поправляет усы*) тоже уже старик.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Басанга. За столом сидит Джидля, против него на стене висит портрет Пушкина.

Джидля (*встает*). Ну, Джидля, готов ты к завтрашнему испытанию? Как трудно, однако, заучиваются стихи. (*Декламирует перед портретом Пушкина.*)

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей — калмык.

Тэвккк (*входя*). Ай, Джидля, ты, кажется, об этом друге степей твердишь уже второй день. Неужели не можешь запомнить?

Джидля. Дома все помню хорошо, мама, а в школе все сразу забываю.

Тэвккк. Значит, не в отца ты. Отец твой, царство ему небесное, всех лошадей хозяйского табуна по памяти знал. Бывало, заржет за его спиной конь,

он, не оглядываясь, говорил, что за лошадь. Вот как помнил.

Д ж и д л я. Память, значит, хорошая была у него.

Т э в к н к. А у тебя плохая, потому что не учишься. (*Накрывает стол к ужину.*) Вот брат твой из Красной Армии приехал знающим человеком. Какие теплые, понятные слова он научился там говорить. Вот сейчас на собрании...

Д ж и д л я. А собрание закончилось?

Т э в к н к. Да, закончилось.

Д ж и д л я. Аризала решили передать?

Т э в к н к. Не только Аризала — пять жеребцов передаем. Твой брат так говорил, что не жалко было бы весь табун отдать. А ты чай приготовил? Наверно, вместо чая у тебя получился кимир.

Д ж и д л я. Когда закипела вода, налил молоко, помешал. Что же еще надо? Ведь это не стихи наизусть учить.

Т э в к н к. Ну, так и есть, получился кимир. Влетит же тебе от Басанга.

Входят Басанг и Мерген.

Б а с а н г. Рад, что ты хоть теперь, с опозданием, но признаешь свою ошибку. Ведь ты чуть-чуть не испортил все дело своими «наши», «им», «свой», «собственный»...

М е р г е н. Ну, «за прошедшим дождем не пускаются вдогонку, захватив бурку». Теперь, раз мы

решили передавать жеребцов, нужно их в сохранности доставить на конезавод.

Басанг. Надо отделить их от табуна и держать пока здесь. Сначала проверим их, а тогда уже отвезем. Имей в виду, что если мы доставим больных лошадей, то нас по головке не погладят.

Мерген. Ну, это мы поручаем тебе. Смотри, осторожность в таком деле необходима.

Басанг. Знаю, что за беспечность не похвалят.

Мерген (*направляясь к двери*). Пусть Хар их осмотрит. (*Возвращается вновь*.) Да, относительно Хара... Ты напрасно так на него нападал, Басанг.

Басанг. Погорячился. Ну что ж, если моя вина, он поймет и простит.

Мерген уходит.

(*Садится к столу, берет чашку чая, пробует, морщится*.) Мама, что это за чай? Он похож на кимир, который калмыки дают выздоравливающим тифозным больным.

Джидля склонился над книгой.

Тэвкик (*указывает на Джидля*). Он готовил.

Басанг. То-то. Чай, который ты изобразишь, я сразу узнаю.

Тэвкик. Вот ты хвалишь мой чай, а меня не уважаешь.

Басанг. Что ты, мама! Не уважаю, невнимательно отношусь к тебе?

Тэвкнк. «Мама, мама», а почему до сих пор не женишься? Не жалеешь меня.

Басанг (улыбается). Выходит, что ты меня не жалеешь. Ведь я еще молод.

Тэвкнк. Молод! Тебе двадцать пять лет, а когда я за твоего отца вышла, ему было восемнадцать. Пора, пора уже. (Убирает со стола посуду.)

Басанг (взглянув на часы). Ого-го (к Джидля). разве можно так поздно сидеть,—завтра у тебя испытания. Уже пол-одиннадцатого, иди спать.

Джидля. А тебе завтра испытаний сдавать не надо, опять собираешься уходить.

Джидля уходит в соседнюю комнату. Басанг надевает фуражку и уходит.

Тэвкнк. Опять уходит. (Одна.) Так каждый вечер. Раньше невеста и жених друг друга никогда в глаза не видели, а сейчас даже не покраснеют. Ходят, гуляют. Эх, Тэвкнк, Тэвкнк, думала ли ты, что доживешь до такого хорошего времени?

На пороге появляется Довда с берданкой за плечом.

Довда. Привет, Тэвкнк!

Тэвкнк. Здравствуй! С кем воевать идешь?

Довда. С тобою, скажем.

Тэвкнк. В таком случае, поставь ружье вон там, в углу. У нас для войны имеются языки.

Довда (*садится, набивает трубку табаком*). Шел на работу и вдруг захотелось зайти к тебе. Басанга дома нет?

Тэвкнк. Ушел куда-то.

Довда (*вздыхнув*). И Бультин тоже ушла куда-то.

Тэвкнк. Довда, мы с тобой уже люди, которые прожили много, а жить нам осталось мало...

Довда. Это правда, но я еще не собираюсь скоро умирать. Не тяни, Тэвкнк, не мучай старого друга, я предчувствую, что тебе хочется мне что-то сказать.

Тэвкнк. Ты отец Бультин, а я мать Басанга.

Довда. Что ж, правильно, понимаю, не возражаю. Они, кажется, друг к другу уже привыкли.

Тэвкнк. Да, кажется, так привыкли, что скоро поженятся.

Довда. Ну и хорошо, пусть живут так, как сами хотят.

Тэвкнк. Как, а свадьба?

Довда. Какая свадьба?

Тэвкнк. Как, какая — настоящая, старинная.

Довда. А зачем она нужна?

Тэвкнк. Что ты говоришь, Довда, пожилые люди не говорят таких слов.

Довда. Да они сами не согласятся.

Тэвкнк. Вѣдь это позор. Что скажут люди?

Довда. Тэвкнк, давай не вмешиваться в дела наших детей. Для них позор наша старая свадьба.

Тэвкнк. Басанг мне только сейчас говорил, что уважает меня и во всем послушается.

Довда (*берет ружье, собираясь уходить*). Ну, а в этом не послушается. (*В дверях.*) Да и, кроме того, я не согласен.

Тэвкнк (*вдогонку*). Послушается, послушается!

Довда (*приоткрыв дверь*). Ой, не послушается!

Занавес

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира учительницы Сары. Шкаф с книгами. Большая географическая карта. На маленьком столике патефон. Сара, Джидля и еще одна ученица заняты выпуском стенной газеты.

Сара. Карикатура вам удалась, стихи тоже забавные, но помещать их мы не будем.

Джидля. Почему, Сара Луджиевна?

Сара. Вы собираетесь высмеять Саранга. Сначала я с ним поговорю, может быть, дело поправимо без газеты.

Джидля. Но ведь из-за него весь класс на плохом счету будет.

Сара. Все равно, дети, вы знаете мой принцип: сначала нужно попытаться воздействовать самой, а уж потом принимать какие-нибудь более решительные меры. От этого принципа я никогда не отступаю.

Входит Шурги.

Шурґчи. А! Шестой класс!

Ребята (хором). Здравствуйте, Шурґчи Акопович!

Шурґчи. Здравствуйте, здравствуйте, дети.

Дети уходят.

Сара. Так не забудьте показать мне стенгазету перед тем, как ее вывешивать. (К Шурґчи.) Ты ко мне по делу?

Шурґчи. Угадала. Дело, правда, небольшое — хочу у тебя на завтрашний день одолжить несколько пластинок со стихами. Обещал завтра ребятам их продемонстрировать.

Сара. И только?

Шурґчи. Да. Если тебе они быстро понадобятся, то пошли за ними или еще лучше сама заходи ко мне, ведь мы живем рядом — от моей двери до твоей не больше пятнадцати шагов будет. Спокойной ночи. (Уходит.)

Сара (долго смотрит вслед Шурґчи. Пауза). Удивительно, как это все вышло. Забудет про все или. Шурґчи молодец: ни одним словом или жестом не выдает себя, а, вероятно, ему больно. Но... (Берет книгу со стола, подходит к карте.) Япония. На Японию по программе полагается три часа. Нет, мало тебе трех часов, про тебя наши ребята должны знать побольше. Значит, устроим консультацию на тему «Япония».

Входит Хар.

Хар. Опять точно часовой у карты! Географ. Ничего не поделаешь, хотя бы мысленно должна витать по всему миру.

Сара (не оборачиваясь). Если не торопишься, то посиди там, обожди.

Хар. Хороша хозяйка, так встречает гостей.

Сара. В твоём распоряжении патефон; предположи, что ты не застал меня дома, но на столе записка о том, что я вернусь через несколько минут.

Хар. Это невозможно себе представить — раз ты тут и я тебя вижу... А впрочем, нельзя мешать. (Заводит патефон.) Выходной день и некуда пойти. Глушь. Тебе не скучно?

Сара. Некогда скучать.

Хар. Ты стоишь спиной ко мне, но я вижу твоё лицо и знаю выражение твоих глаз. Почему они такие грустные?

Сара (повернулась к нему). Вот ты какой, оказывается. Угадывать умеешь. Откуда ты узнал, что у меня грустные глаза?

Хар. Почувствовал это. Да отойди, наконец, от карты. Сегодня выходной.

Сара (села рядом с ним). Хорошо, милый, приказывай; я готова для тебя петь, танцевать, хохотать — все, что ты прикажешь.

Хар. Я не приказываю, а прошу, дорогая моя. (Смеется.) Видишь, у нас получается совсем как в

романах: «мой милый», «моя дорогая», «приказываю», «прошу». Так именно и пишут в романах о любви.

Сара (*обиделась*). А разве любовь, описываемая в книгах, всегда банальна? Сколько волнений, переживаний, неожиданных встреч... А потом...

Хар. А потом бросаются под поезд, как Анна Каренина, и это интересно. А наша с тобой любовь неинтересная, потому что ничего страшного произойти не может. И, кроме того, Сара, разговоры о любви — это парение в воздухе... Давай спустимся на землю. (*Целует ее.*)

Сара (*ласково гладит голову Хара*). Зовут тебя Хар, волосы черные, глаза черные...

Хар. Все черное?

Сара. Нет, мысли и чувства у тебя светлые, благородные.

Хар. И все они обращены к тебе.

Сара (*встает*). Ну, посиди несколько минут, и читай, я закончу начатую работу.

Хар. Когда ты только не работаешь?

Сара. Завтра у меня консультация, я хочу поподробней рассказать ребятам про Японию.

Хар. Про Японию? Если ты разрешишь, я могу провести беседу с ребятами. Японию, да и весь Восток я знаю лучше, чем посредственный профессор.

Сара. Откуда же эти знания?

Хар. Интересовался, читал, а после окончания института два года работал в Монгольской Народной республике.

Сара. Может быть, я и плохо проведу консультацию, хуже тебя, но мне хочется это сделать самой.

Хар. Сара, ты должна побольше читать книг по истории культуры Востока. Это необъятная литература, но она самая интересная из всего, что я знаю: Культура на Востоке до сих пор еще стоит невероятно высоко. А в древние времена... Восток создал воинственных людей.

Сара. Например, Япония.

Хар. Почему только Япония? Япония наш враг, но эта страна раньше всех других восточных стран стала могущественной. Это вписано в историю мира, а историю, даже если в ней говорится о враге, мы должны знать. Но Япония — враг России.

Сара. Наш враг.

Хар. Там, на Востоке, калмыков уже не считают единоверцами, о калмыках говорят, что они утратили национальные особенности, подпали под русское влияние, — словом, для Востока мы больше не существуем. Так там говорят.

Сара. А ты как думаешь? Ведь со мной ты должен говорить откровенно.

Хар. Что я думаю? Хотя у меня в кармане комсомольский билет, но иногда я вспоминаю, что калмыки связаны кровно со всеми монголами, что между нами расовая и религиозная общность и что века мы строили одну и ту же культуру.

Сара. Говори, я слушаю.

Хар. Поэтому калмыков на всем Востоке считали братьями. Но общность потеряна. Все сглаживается. Что, например, у тебя чисто калмыцкого?

Сара. А у тебя?

Хар. Да, и у меня. Мы — почти русские, плохо владеющие калмыцким языком, хотя по цвету кожи мы монголы. Наши дети с удивлением и интересом будут расспрашивать нас...

Сара. Ну что ж, они спросят, а мы расскажем, объясним.

Хар. А почему сейчас нельзя это объяснить? Надо расширять рамки программы, внести в нее новое. Учительская работа — творчество.

Сара. Хар, мне страшно, — ты столько наговорил, поставил такие вопросы, что мне за месяц не разрешить их. Ты меня пугашь, сбиваешь с толку. Я только учительница...

Хар. Об этом-то я и говорю. Вы — огромная сила, учащимся нужно преподносить факты умело,

убедительно, тонко, не агитировать, а пробуждать в них интерес, любопытство. Мы не одни. Не бойся. Ты вскоре убедишься в этом...

Сара (*чуть не вскрикивая*). Хар, ты ошибаешься. Твоя голова забита ненужными книгами. (*Тихо, про себя*.) Нет, не может быть, чтобы он ошибался, у него светлая, крепкая голова. Что же делается на свете, Хар? Быть может, я отстала, не вижу того, что происходит вокруг, или...

Хар. Если мои слова тебе не по душе, Сара, забудь о них. Вернее, запомни, я тебе ничего не говорил, но все же я уверен, что ты одна из лучших представительниц нашей молодежи.

Сара (*склонившись к Хару, обнимая его*). Хар, как было бы хорошо, если бы ты к нам не приехал.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Летняя ночь. Двор колхозной конюшни. Довда с берданкой ходит вдоль стен конюшни.

Довда. Кто там? Кто идет?

Хар (*выходит из-за угла*). Это я, Хар. Не могу же я каждую ночь предупреждать. Сам знаешь, что я не могу уснуть, не наведавшись к этим жеребцам.

Д о в д а. Ночью, в темноте не разберешь, кто идет.

Х а р. Хороший сторож во всем должен разобраться. Ну как, жеребцы спокойно спят?

Д о в д а. Конечно, спокойно. Что с ними может произойти?

Х а р. С тех пор, как они поручены моему надзору, я потерял сон. Эх, скорей бы их уже отравили.

Д о в д а. А вы сюда по ночам не ходите, тогда и спать спокойней будете.

Х а р (в дверях конюшни). Нельзя, старина. Что подделаешь, иначе нельзя. Я за этих жеребцов головой отвечаю. (Исчезает в конюшне.)

Д о в д а. Удивительный человек этот врач. По ночам приходит сюда чаще, чем днем, а потом жалуются еще на бессонницу. Вероятно, ему в темноте лучше видно. Да и что он смотрит? Заболеет один из этих жеребцов, я, хоть и не врач, сразу бы узнал об этом, даже через стену, слыша, как они дышат.

Х а р (выходит). Все здоровы, все в порядке. Ну старина, спокойной ночи!

Д о в д а. Вы думаете, что я здесь сплю по ночам?

Х а р. Простите, ошибся. Но как же с вами поощаться? А... Счастливо охраняйте наше добро. (Уходит.)

Довда. Сам-то ты спи спокойно.

Довда вновь ходит вдоль стен конюшни. Когда он доходит до одного конца конюшни, с другого конца появляются Басанг и Бультин. Они идут под руки. Резко повернувшись, Довда направляет на них ружье.

Стой! Отвечайте, а то стрелять буду.

Бультин (*подбегая к отцу*). Отец! Это мы.

Довда. Какой еще отец? Нет здесь отца, поняла?

Басанг. Вот это я понимаю! Вот это часовой! Товарищ часовой, разрешите пройти к жеребцам. Правда, время теперь неподходящее, но так как за отправку их отвечаю я, то разрешите. Из-за этих жеребцов я по ночам уснуть не могу.

Довда. Как, и ты тоже не спишь? Только что ушел один, тоже жалуется на бессонницу. Отправьте, наконец, этих жеребцов, и все смогут выспаться.

Басанг. Кто приходил? Хар?

Довда. Да, каждую ночь сюда приходит, говорит, что за каждый волосок он отвечает.

Басанг. Интересно знать, что он здесь каждую ночь делает? (*Исчезает в дверях конюшни.*)

Довда сердито смотрит на Бультин. Неловкое молчание.

Давда. Что? Не находите другого места для гулянья? Осрамила старика-отца. Зря кричал...

Бультин. Папа, мы по делу пришли.

Довда. Знаю, знаю ваше дело. Когда уже вашему делу конец будет?

Бультин. Какому делу?

Довда. Вашему.

Бультин. Скоро, скоро, папа. Басанг на-днях уезжает с жеребцами.

Довда. Бультин, ты над отцом не смейся. У меня волосы белые. Я спрашиваю о том, когда кончится это гуляние по ночам. (Увидев Басанга, вышедшего из конюшни.) Ну, ладно... Все ясно...

Басанг. Все в порядке, все здоровы.

Довда. За сохранность я отвечаю. Тут уж я уверен, что все в порядке, а вот здоровье — это дело врача.

Басанг. Скоро уже их отвезем. (Козырнув старику, уходит вместе с Бультином.)

Довда снова шагает вдоль стены, напевает старинную калмыцкую песню. Снова шаги.

Довда. Опять кто-то идет, ну и ночь выдалась! Эй, кто там?

Шургчи (входя). Я, товарищ Довда. Глаза уже вас подводят. Года, ничего не поделаешь.

Довда. Мои глаза, сынок, в нынешнее время ви-

дят ночью лучше, чем двадцать лет тому назад днем. Удивительное время. Слепого сделало зрячим. И вот я хочу у тебя спросить: если мои глаза меня и тут не обманывают, то почему ты так изменился? А ну-ка, садись сюда.

Оба усаживаются на скамью.

Что с тобой? Почему ты такой грустный, Шургчи?

Шургчи. Не поймете, да если и поймете, — не поможете. Зачем расспрашивать?

Довда. Воля твоя. Будешь рассказывать — послушаю, до зари еще далеко. Не будешь — помолчать можем.

Шургчи. Довда! Приходилось вам в молодости влюбляться?

Довда. Что за вопрос? Что ж, я, по-вашему, бревном был, что ли?

Шургчи. А как тогда влюблялись?

Довда. Не поймешь теперь даже. Время тогда было чудное: стоило увидеть вместо лица девушки ситцевый бешмет или черную косу, и уже было достаточно. Все остальное подсказывало воображение.

Шургчи. Я люблю одну девушку... Да что я вам болтаю тут, мешаю только... Пойду...

Довда. Да нет, сиди, говори... Говори, какую девушку?

Шургчи. Учительницу Сару.

Довда. Хорошая девушка. И ты хороший человек. Ну, значит, скоро быть веселью на весь улус?

Шургчи. Не будет веселья.

Довда. Это почему? Какая же это свадьба без веселья?

Шургчи. Не будет свадьбы.

Довда. Как же так?

Шургчи. Сара не любит меня.

Довда. Вот тебе на!

Шургчи. Вот поэтому-то я и хожу такой грустный и думаю о том, что бы мне такое сделать, чтобы или забыть Сару или вернуть ее любовь. Героем разве стать каким-нибудь, прославиться? Совершить что-нибудь невиданное и неслыханное, так, чтобы все на меня смотрели с восхищением. Да нет, ничего такого не придумаешь. Какой подвиг может совершить учитель?

Довда. Довольно, Шургчи, не стыдно ли тебе? Даже мне, старику, стыдно слушать такие слова от юноши. Чтобы горячий, пылкий парень, как ты, ничего не мог придумать. Кого же она любит?

Шургчи. Хара.

Довда. А, вот оно что! В таком случае, сынок, ничего не могу посоветовать. Разве что только одно. Девушек у нас много, и хорошие есть среди них,

много хороших. Не думай о ней, забудь Сару, и все пройдет. А сейчас иди спать. У вас, молодежи, еще все впереди.

Шургчи. Да, ты прав, старик, у нас все впереди.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка та же, что и в третьей картине первого действия. На сцене Басанг, Бультин, Шургчи, Бада, парни, девушки. Накрыт большой стол.

Басанг (показывая фотокарточку). А этот, что сидит рядом со мной, — Коваленко. Сколько раз мы с ним вдвоем стояли на границе. Он из Полтавы. Чудесный парень. Там, на родине, ждет его девушка с голубыми глазами. Бывало он про эту девушку да про свои полтавские вишни до зари шопотом рассказывает мне.

Входят Хар и Сара. В руках у них патефон и фугляр для пластинок.

Хар. О, кроме нас, тут уже все собрались. Простите за опоздание. Вот что нас задержало. (Показывает на фугляр.)

Б а с а н г. Ну, друзья, прошу к столу.

Все весело усаживаются за стол, только Сара выделяется своей задумчивостью.

Х а р. Я думаю, что Басанг должен сказать несколько слов.

Б а с а н г. Хорошо будет, если мы иногда будем так собираться, чтобы поговорить за чашкой чая, а потом и потанцевать и повеселиться. Мы не должны скучать. Жить надо дружно и весело.

Х а р. А будет ли веселье от чашки чая?

Д е в у ш к а. А потом споем, потанцуем.

Б а с а н г. Ну, если кому мало чая, тот может пить и вино. *(Вытаскивает из-под стола несколько бутылок вина.)* Вот и весь фонд. Думаю, что много нам не потребуется, да и не нужно.

Х а р. Пока достаточно, а понадобится, тогда найдем.

Б у л ь т и н. Я и не подозревала, что ты любитель выпить, Хар.

Х а р. Я редко пью, и то только на вечерах.

Б а д а. Но зато уж до потери сознания?

Х а р. Нет, этого со мною не бывает.

Б а с а н г *(поднимает бокал)*. Выпьем за нашу дружбу.

Звон стаканов, все пьют.

С а р а. А теперь давайте споем песню.

Г о л о с а. Правильно! Какую? Нашу колхозную.

Сара запекает, остальные подхватывают.

Не бурею примяло
Траву у нас в степях —
Коней лихих немало
В колхозных табунах.
Не гром ударил в тучах,
Не молнии блещут —
На скакунах могучих
Летит бойцов отряд.
На рубежи родные
Пускай враги придут,
И табуны степные,
Как буря, их сметут.

Ш у р г ч и (*поднимая бокал с вином*). Выпьем за
красивых девушек.

Все пьют.

Х а р. Сейчас моя очередь произнести тост.

Б а д а. А что пить? Чай?

Х а р. Вышло все вино, вот беда. (*Встает.*) Басанг,
вот видишь, маловато вина. А что мы, бедняки?
Мы — молодежь богатого колхоза.

Б а д а. Верные слова.

Б а с а н г. Я не против того, чтобы еще достать
вина, но теперь уже поздно.

Хар. Друзья, вы не подумайте, что я забуддыга. Но... (Вытаскивает из футляра несколько бутылок вина.)

Ба да. Вот это я понимаю.

Голоса. Не надо! Хватит на сегодня!

Хар. Да ведь мы не всегда пьем. Сегодня можно и повеселиться. Давайте же... (Наливает вино.) Пить можно, но не надо пропивать голову.

Шургчи. Хорошее изречение, это философия алкоголика.

Хар (метнув злой взгляд на Шургчи). У алкоголиков не только своей философии, но и головы не бывает.

Шургчи. Как же, по-твоему, пить надо?

Хар. Побольше пить, поменьше пьянеть.

Шургчи. Сразу виден врач и философ.

Сара. Поднимем бокалы. Мой тост, может быть, преждевременен, но думаю, что он не испортит дела: выпьем за хозяина дома и за девушку, которую он любит и которая любит его.

Голоса. Правильно!

— Бультин, Сара правду говорила?

— Скоро на свадьбе будем тосты произносить?

Общее оживление, смех. Все пьют.

Сара. А теперь пусть Басанг расскажет нам какой-нибудь эпизод из жизни пограничников.

Г о л о с а. Расскажи, Басанг, только что-нибудь страшное, интересное.

Б а д а. Тебе случалось когда-нибудь самому поймать шпиона?

Б а с а н г. Да, случалось, и не раз. Япония почти каждый день засылает к нам шпионов, но и мы не сидим на границе, лузгая семечки, и всегда готовы встретить «гостей».

П а р е н ь. И ты не упустил ни одного нарушителя?

Б а с а н г. Был как-то такой случай: один шпион обманул меня.

Б а д а. И скрылся?

П а р е н ь. Расскажи, как было.

Б а с а н г. Незадолго до демобилизации я и Коваленко сидели в секрете. Ночь была темная, снег падал хлопьями, подымался буран. Весьма подходящее время для «гостей». Вдруг мы заметили, что с манчжурской стороны идут двое. Вернее, не идут, а крадутся. Мы подпустили их довольно близко, и я скомандовал: «Руки вверх!» Подняли руки. «Ложитесь!» Один из них говорит: «Выньте у меня из кармана ценную для вас вещь». Тут-то я и допустил ошибку. Только стал обыскивать его, вдруг он замахнулся, и я почувствовал острую боль в глазах. Слеп буквально в одно мгновение. Раздалось несколько выстрелов. Оказывается, как я потом узнал, это стрелял Коваленко. Одного шпиона он убил, а

другой бежал. И знаете, чем он ослепил меня? Горсткой табака.

Г о л о с а. Так он и скрылся?

— Не поймали его?

— Досадно!

Б а с а н г. Нет, не поймали. А ждали мы его уже давно. Мы знали, что он должен прийти и принести какое-то сообщение «своему человеку». Но в тот вечер, когда я его упустил, я поклялся, что не буду спокоен до тех пор, пока сам его не поймаю, либо не узнаю, что он пойман.

Тишина. Хар неожиданно роняет стакан.

П а р е н ь. Хар, ты уже пьян?

Х а р. Нет, не пьян еще, но, кажется, пьянею. (Басангу.) Тебе-то его уже не поймать. Вряд ли этот шпион, если у него только есть голова на плечах, покажется в наших краях.

Б а с а н г. Если не я, то другие поймают, но от нас он не уйдет.

Ш у р г ч и. Наша разведка его из-под земли добудет.

Х а р. Калмыцкая пословица гласит: «когда говорят правильно — сердце радуется, когда надевают шапку по голове — голова радуется». Не уйдет шпион. Выпьем за бдительность наших славных разведчиков.

Бультин. А теперь танцы.

Все весело встают из-за стола. Столы и стулья отодвигаются к стенке.

Хар (заводит патефон). Фокстрот!

Несколько пар танцует.

Бада (покачивается, он явно опьянел). Подождите! Играйте «шарку-барку». (Один танцует калмыцкий танец, расстроил пары танцующих. Подходит к девушке и вместо приглашения с силой ударяет ее по плечу). Прошу танцевать со мною!

Девушка. А твои глаза могут еще различать танцующих?

Бада. Ты думаешь, что я пьян? (Стучит себя в грудь кулаком.) А? Мои глаза прекрасно видят тебя, им нетрудно заметить, что ты похожа на хавгач — на глиняную фигуру, которую ставят на крышку котла самогонщики.

Девушка. Дурак! (Отвернулась от него.)

Бада. Вы слышали? Она меня назвала дураком! Меня, прославленного табунщика, посмела оскорбить это девчонка.

Хар. По голосу видно, что ты табунщик.

Бада. Почему нельзя танцевать со мною? Я диких жеребцов без седла объезжаю. Вот какой я, а ты танцевать со мной боишься!

Шургчи. Без седла? Чтобы легче было падать?

Бада (схватил табуретку и запустил ее в Шургчи). Никогда в жизни не падал с лошади.

Басанг схватил Бада за руки. Все стараются унять Бада. Входит парень.

Вошедший (Хару). Вас человек ждет.

Хар. Какой человек?

Вошедший. Из Элисты на машине приехал. Он и раньше приезжал к вам.

Хар уходит.

Басанг (к Бада). Отправляйся сейчас же домой, а завтра придешь к девушке просить у нее прощения, а не то я тебе такое покажу, что будет страшнее, чем объезжать Аризала. Ну, ступай!

Несколько парней уводят Бада.

Басанг. Это я во всем виноват. Вот думал, соберемся, повеселимся по-хорошему, а вышло поинному.

Сара. Не скромничай! Вечер прошел весело, и если бы не случай с Бадой, то все было бы совсем хорошо.

Девушка. Бультин, ты пойдешь с нами?

Парень. А Басанг не будет возражать?

Бультин. Что мне Басанг? Вы думаете, что я его так уже и боюсь?

Смех. Бультин уходит с девушками и ребятами. В комнате остаются только Басанг, Сара и Шургчи.

Шургчи. Ну, и мне пора. Ведь мы соседи, пойдем вместе, веселей будет.

Сара. Если ты торопишься, то ступай, а я обожду тут Бультин.

Шургчи. Ну, в таком случае всего хорошего. (Уходит.)

Басанг. И тебе не жалко Шургчи? Какой он хороший человек! Эх, Сара, признаться...

Сара. Басанг, ты меня уважаешь?

Басанг. Ну, что за вопрос!

Сара. В таком случае не говори со мной теперь о Шургчи. (Взяла сумку, собираясь уходить.)

Басанг. Куда ты спешишь? Подожди Бультин,

Сара. Ты как-то за последнее время очень изменилась. У тебя вид человека, таящего от всех какое-то горе.

Сара. Ты очень проникателен, только не думай... Только не думай, что все это из-за любви.

Басанг. Разве? Ну в чем же тогда дело?

Сара (долго молчит). Ты хорошо знаешь Хара?

Басанг. Что? Со свадьбой нас опередить хотите? Торопитесь?

Сара. Да нет.

Басанг. Но что же?

Сара. Басанг, я очень люблю Хара. Мне кажется, что без него я не смогу жить. Если я день провожу без него, то мне делается так грустно, так грустно на душе, что ты себе не можешь и представить. Но часто, когда я бываю с ним, со мной что-то происходит непонятное. Он очень интересный и очень умный человек, но иногда его слова меня пугают.

Басанг. Я еще ничего не понимаю.

Сара (указывает на стул). Садись. Мне надо с тобой посоветоваться.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Та же обстановка, что и во второй картине первого действия. За столом сидит Бультин, работает. Входит радостный Мерген.

Мерген. Бультин, все отлично. Наши благополучно сдали жеребцов конезаводу. Вот телеграмма.

Бультин. Я очень рада. А когда они вернутся?

Мерген. Вот что тебе важнее всего! К сожалению, не могу удовлетворить твоего любопытства. Бансанг парень хороший, но об этом не сообщает. Верно, он хочет, чтобы его приезд был подарком. Ну, а мы тоже кое-что тем временем подготовим. Сколько у нас израсходовано средств по седьмой статье?

Бультин. Что-то не больше четверти.

Мерген. В таком случае радуйся.

Бультин. Мне-то чего радоваться, не понимаю.

Мерген. Можешь радоваться, и не понимая твое счастье...

Бультин. Счастье?

Мерген. По этой статье нам потребуется несколько сот, нет, тысячу, да что я... две тысячи...

Бультин. На что это?

Мерген. На свадьбу.

Бультин. Где это сказано, что можно общественные деньги тратить на свадьбу?

Мерген. Э, девушка, что за душа у тебя. Помимо своих статей, ничего признавать не желашь. Знала бы, на чью свадьбу тратить собираемся...

Бультин. На чью бы то ни было — нельзя!

Мерген. На вашу — твою и Басанга.

Бультин. Тем более нельзя!

Мерген. Ну, теперь уж я ничего не понимаю. Когда я говорю, что надо беречь общественные колхозные деньги, меня все уговаривают тратить их, стоит мне заикнуться о каком-нибудь расходе, как вот извольте — нельзя. Кто в конце концов распорядитель кредитов? Я! Так я на свою ответственность беру! Пиши!

Бультин. Что писать?

Мерген. Приглашения на свадьбу. Только смотри: так, чтобы никто из наших ничего заранее не знал. Секреты, так секреты.

Входят Довла и Тэвккк.

А вот, кстати, и наши старики,

Довда. Не будешь ругать нас, Мерген, за то, что мы к тебе пришли по пустячному делу?

Мерген. Пустячному? А у меня к вам неотложное дело.

Тэвкнк. Сначала выслушай нас.

Довда. Да, да, а то иначе двое старых друзей могут поссориться.

Мерген. В таком случае, пожалуйста.

Довда. Бультин, выйди-ка.

Бультин. Ну и день сегодня, секреты за секретами. (Уходит.)

Довда. Хотя мы и старики и жить нам осталось мало, но у каждого из нас свои взгляды на жизнь. Вот мы и пришли к тебе посоветоваться.

Мерген. В чем же дело? Из-за чего вы ссориться хотите?

Довда. Да вот, видишь ли: се сын и моя дочь, вероятно, поженятся. Дело это уже как бы решенное. Но вот Тэвкнк за то, чтобы сыграть свадьбу по-старинному.

Тэвкнк. А то как же? Иначе свадьба— не свадьба. Никто о ней и знать не будет. В старину, когда мы замуж выходили, а вы женились, сколько на свадьбу гостей звали. Веселье такое было, что на всю жизнь в памяти оставалось.

Довда. И ты хочешь опозорить наших детей— позвать зурхачи, чтобы он совершил религиозный

брак, и потом не только наш,— все соседние колхозы над детьми смеялись.

Мерген (смеясь). Тэвкк, а вы уверены, что ваши детки — Басанг и Бультин — согласятся на старинную свадьбу?

Довда. Ни за что не согласятся.

Тэвкк. Вы моего Басанга не знаете, я его мать. Он меня уважает и во всем слушается.

Мерген. А что, если дети обоих вас не послушаются и не станут дожидаться?

Тэвкк. Мы их родители, и я требую, чтобы была свадьба.

Мерген. Свадьба? Свадьба обязательно состоится.

Довда. Как? Что ты сказал, председатель?

Мерген. Да, сыграем свадьбу, но какую? Колхозную! Пригласим всех наших колхозников, соседние колхозы в гости позовем. Такой пир устроим, что памятной будет, чем старинная свадьба. Расходы правление колхоза берет на себя.

Довда. Нет, так я не согласен.

Тэвкк. Позор, стыд. Что люди скажут? Не надо.

Довда. Как так на чужие деньги свадьбу устраивать! Я теперь не нищий, не тот Довда, каким был двадцать лет тому назад.

Мерген. Чего стыдиться-то?! Все знают, что мы народ богатый. Наши лучшие ударники женятся, сле-

довательно, праздник общий, поэтому и устраиваем колхозную свадьбу. Вопрос решен!

Д о в д а. Вот тебе на.

Входит М а н ц.

М а н ц. Здравствуйте, старики!

Д о в д а и Т э в к н к, поздоровавшись с Манцем, уходят.

Здравствуй и ты, Мерген!

М е р г е н. Здорово, Манц!

М а н ц. Как дела, председатель?

М е р г е н. Ну и человек — не успел еще поздороваться, а ему уже все дела выкладывай. Дела хорошие, да тебе, наверно, и так все уже известно.

М а н ц. Слыхал.

М е р г е н. Передаем своих жеребцов государственным конезаводам, значит, кони-то у нас хорошие.

М а н ц. Правильно говоришь. А кони ваши все здоровы?

М е р г е н. Да.

М а н ц. Это от Басанга сведения получены?

М е р г е н. Вот телеграмма, почитай.

М а н ц *(прочитав телеграмму)*. И я тоже кое о чем наслышан. *(Закрывает открытое окно и плотней прикрывает дверь.)* Из пяти ваших жеребцов, отправленных конезаводу, два были заражены опас-

ной тяжелой болезнью. Вдобавок, эта болезнь очень коварная. Внешне она ничем не проявляется, но стоит только зараженным побыть некоторый срок вместе с другими, как зараза распространяется. Сейчас больные жеребцы уже изолированы и находятся под наблюдением врачей.

Мерген. А почему же Басанг ничего об этом нам не сообщает?

Манц. Вероятно, не счел нужным. Он сообщил об этом туда, куда следует. Скажи, Мерген, ваших жеребцов перед отправкой кто-нибудь осматривал?

Мерген. Несколько дней они стояли в отдельной конюшне и находились под надзором ветеринара. Берегли их, заботились, жаль расставаться с ними было, а тут — вот тебе на, какой позор.

Манц. Так, может быть, это дело рук врача?

Мерген. Да что ты, он такой преданный, я в нем не сомневаюсь.

Манц. Интересно, а откуда приехал ваш ветеринар?

Мерген. Из Москвы, через Элисту.

Манц. А впрочем, это известно. Кто ночной сторож?

Мерген. Довда.

Манц. А правда, что Хар в хороших отношениях с учительницей Сарой?

Мерген. Поженятся, вероятно, скоро.

Манц. Хорошее дело.

Мерген. Удивляюсь, Манц, откуда ты все это знаешь?

Манц. Позови ко мне, только без всякого шума, так, чтобы никто не слышал и не знал, старика Довду. Наша обязанность все знать.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же обстановка, что и в первой картине второго действия. Ночь Сара одна. Пишет что-то, сидя за столом. Она заметно похудела, осунулась.

Сара. Басанг вчера приехал, и на завтра назначена свадьба. (Ходит по комнате.) Нет! Конеч. Я стыжусь того, что колебалась до сих пор. Для меня ясно, что Хар враг. А раз это так, то я должна забыть о своих личных чувствах и думать только о долге перед страной. Вот мой дневник, где записаны все мои колебания и сомнения, все то, что я выстрадала за это время. Я его дам читать тем, кто этим заинтересуется, а сейчас, пусть даже это расстроит предстоящее веселье, я должна пойти к Басангу и рассказать ему все, что знаю. (У дверей ей навстречу попадается Шургчи.)

Шургчи. Я опять некстати. Ты как будто собираешься уходить?

Сара (*пауза*). Нет. Ты мне не помешашь. Входи.
Шургчи. Я зашел к тебе по делу.

Сара. Знаю. Ты каждый раз заходишь ко мне по делу, хотя, как сам говоришь, мы соседи и от твоей двери до моей не больше пятнадцати шагов.

Шургчи. Признаться, я однажды решил не заходить к тебе вообще.

Сара (*смотрит на него внимательными, добрыми глазами*). Я понимаю и... не обижаюсь.

Шургчи. Ну, вот и хорошо.

Сара. Я тебя слушаю.

Шургчи. Сделай ученику моего класса Церену серьезное внушение.

Сара. А зачем я должна делать внушения твоим ученикам?

Шургчи. Ты виновница того, что он стал плохо учиться. Ему вскружила голову география. День и ночь он бредит планом путешествия на Алтай. Ни о чем другом не в состоянии и думать. Собрался один пешком отправиться на Алтай. Я понимаю, что такое путешествие весьма соблазнительно, но ведь оно чревато опасностями — путешественник может остаться на второй год в шестом классе.

Сара. Хорошо, я с ним поговорю. А ты что сейчас делаешь?

Шургчи. Лежат у меня на столе тридцать шесть тетрадей с диктовками и сочинениями, а рядом — Тургенев. Не знаю еще, что пересилит.

Сара. Ну, тогда оставайся здесь. Мне нужно сходить к Басангу, ты обязательно жди меня. Я быстро вернусь. Согласен?

Шургчи. Хорошо, но если какой-нибудь другой человек сюда зайдет, то я уйду.

Сара. Я тебя прошу дождаться меня, нам надо поговорить. (Уходит.)

Шургчи (один. Подходит к полке, рассматривает книги). «Анна Каренина», Тургенев, Горький. Все те же книги, что и когда-то тут стояли. (Берет пластинку, заводит патефон, слушает «Я помню чудное мгновенье». Увлечшись, подпевает сам.)

Неожиданно входит Хар. Минута напряженного молчания. Враги меряют друг друга взглядами.

Хар. О! Калмыцкий Лемешев! Подходящая обстановка для урока пения. Хозяйки нет дома, соседей тоже.

Шургчи. При чем тут Лемешев? Это создание Пушкина и Глинки. Трудно не поддаться очарованию этих гениев.

Хар (с усмешкой). Это, может быть, вам, учителям. А мы что — ветеринары. Где нам интересоваться классиками. Вот какой масти родится жеребенок от серой кобылы и гнедого жеребца, — это я знаю, тут я скажу безошибочно. А где Сара?

Шургчи. Ушла.

Хар (подходит к Шургчи). Давно мне уже хотелось поговорить с тобой. Все выжидал подходящего момента...

Шургчи. И не находил?

Хар. Я тянул, откладывал, зная, что ты сердит на меня.

Шургчи. Сердит? За что?

Хар. Из-за Сары.

Шургчи. Признаться, я когда-то ее любил, а потом забыл, вернее, сумел вырвать из сердца эту любовь.

Хар. Это хорошо. Ты молодец. Мы еще молоды, и перед нами все впереди.

Шургчи. И это все, что ты мне хотел сказать? В таком случае тебе придется побыть здесь наедине. До свидания. (Уходит.)

Хар (долго смотрит вслед Шургчи). Дурак! (Прикрыв дверь, рассматривает все, что лежит на столе. Открывает своим ключом ящики стола. В одном из них находит дневник Сары. Читает.) «Дневник Сары Дарджиевой за 1936—37 гг.». Интересная штука. (Перелистывает и вдруг, склонив голову, насторожившись, читает.) «Я долго мучилась, не верила, но это так: Хар очень умный и ловкий... враг». (Спрягав дневник в карман, стремительно направляется к двери.)

В этот момент входит Сара.

Хар (как всегда, ласково). А я уже собирался уходить, не дождавшись тебя. Где ты так долго пропадала? Опять возилась с учениками? Тебе не надоело еще работать днями и ночами?

Сара. Нет. А что, здесь никого не было?

Хар. Почти никого. Когда я вошел, тут сидел Шургчи, но, увидев меня, он убежал, как трусливый заяц.

Сара. Ты говоришь неправду.

Хар. Сара! Я тебя не узнаю, ты похудела, побледнела. Отчего ты нервничаешь?

Сара. Кончается учебный год, я устала. Прости, мне не хотелось тебя обидеть.

Хар (зло). Ну, допустим так... А кроме того, у тебя и добавочная нагрузка — пишешь книгу, как же тут не устать.

Сара. Какую книгу?

Хар. «Дневник Сары Дарджиевой за 1936—37 гг.». (Показывая ей книгу.) Вот!

Сара (пытаясь вырвать у него дневник). Кто тебе разрешил шарить в моем столе?

Хар. Как кто — я сам! Если бы не я, то это мог сделать кто-нибудь другой, да еще к тому же, знаешь, откуда? Все же я свой человек, своему это как-то спокойнее. Но ты допустила одну ошибку — ты недостаточно бдительна. Разве можно хранить такую книгу в ящике стола, открывающемся любым ключом?

Сара. Чего же мне было опасаться? Разве я шпионка?

Хар. Сара, взгляни на меня. Кто мне шептал столько раз: «я не наглажусь на твои глаза». Видишь, они все так же, с любовью смотрят на тебя.

Сара. Я ошиблась в твоих глазах, они лгали мне.

Хар. А я думал, что ты хорошая, искренне любящая меня девушка. Оказывается, ты ничем не отличаешься от солдата, стоящего на карауле.

Сара. Когда в наш двор пытаются пролезть бешеные волки, то каждый становится солдатом.

Хар (*иронически*). Я не предполагал, что поклонница классической литературы может так грубо выржаться... (*Неожиданно перебивая себя.*) Скажи, кто-нибудь, помимо тебя, знает о том, что здесь в дневнике написано?

Сара молчит.

Если помимо тебя никто не знает, то сожги, сию же минуту сожги его. Иначе ты попадешься вместе со мною.

Сара. Я-то! Почему?

Хар. Не притворяйся, не будь наивной, неужели ты думаешь, что если арестуют меня, то ты останешься цела и невредима?

Сара. Ты и сейчас пытаешься лгать?

Хар. Ты брала у меня читать книгу, в которой восхвалялась Япония. Эта книга антисоветская. Ты

кому-нибудь заявила об этом? А о том, что я тебе говорил, ты тоже не сообщила? Ты утаивала от советской власти то, что я вел контрреволюционную агитацию и вовлекал тебя во вражескую группу. Вспомни, ведь еще немного, и ты стала бы излагать ученикам мои мысли. И ты думаешь, тебя пощадят? Ого! Десять лет! Расстрел! Все может быть. На! *(Протягивает ей дневник.)* Уничтожь и не смей никогда никому словом об нем обмолвиться.

Сара *(не берет протянутого ей дневника, он падает на пол между ней и Харом. Пауза)*. Ты думаешь меня запугать — мне не страшно, если я виновна, пусть меня накажут.

Хар. В таком случае... *(медленно вытягивает из кармана нож)* лучше, чтобы никто не знал то, о чем я тебе говорил. Для этого ты... *(Медленно приближается к девушке.)*

Сара *(вздрагнув, отступает к стене)*. Ты думаешь, что можно безнаказанно не только обманывать, но и убивать? Продажная душа!

Между ними несколько мгновений происходит борьба. Вдруг распахивается дверь, и на пороге появляются Басанг и Бультин.

Хар. А, вот как! *(Бросается к выходу.)*

Басанг *(спокойно)*. Куда вы так торопитесь? На улице темно, идет дождь, хотя, кажется, именно такая погода вам и нужна!

Хар. Да, очень нужна. (Вонзает в грудь Басанга нож.)

Басанг падает. Хар бросается к двери, но перед ним, словно из-под земли, вырастает Манц. В грудь Хара направлен револьвер.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната в доме Басанга. Множество народа. Среди них много разряженных — это приглашенные на свадьбу. Все стоят подавленные, грустные. В углу на стуле сидит Бультин. Она плачет. Рядом с ней стоит Сара.

Шургчи. Бультин, не падай духом, не все еще потеряно. Прилетит хирург и спасет Басанга. Только бы он скорее прилетел.

Бультин. Неужели, Сара, ему было положен так мало прожить?

Сара. Фельдшер говорит, что жизнь Басанга будет вне опасности, только бы скорее прибыл хирург. Бультин, ты не винишь меня?

Бультин обнимает Сару.

Помнишь, как ты говорила, что мы обе должны.

быть счастливы, а вышло так, что мы обе несчаст-
ливы. Бульгин, я... я во всем виновата. (Плачет.)

Довда. Довольно вам, девушки! Так и живого
человека схоронить можно.

Сара. Да, живого человека.

Мерген (входит, держа в руке телеграмму). Хи-
рург вылетел, вот телеграмма...

Шургчи. Ну, значит, ждать недолго.

Оживленный шопот.

Мерген. Говорите потише, малейший шум мо-
жет повредить раненому. Впрочем, что я, ведь тут
наши гости, гости нашего колхоза, которые приеха-
ли на свадьбу и вместо веселья...

Довда. Какая подлость, кто мог подумать...

Мерген. И я доверял этому человеку. Помни-
те, как я соглашался с ним и возражал Басангу?
Этот человек уговаривал меня беречь колхозное доб-
ро. О, Басанг, милый Басанг! Неужели мы не от-
празднуем твою свадьбу? Дорогие гости, я верю в
то, что свадьба еще будет.

Довда. Жалкие, жалкие люди, на что они наде-
ются? Неужели они думают, что можно победить на-
род?

Сара. Это не люди, а звери...

Мерген. Мы все с ним дружили, разговаривали,
нам он казался товарищем, хорошим человеком.

*Из другой комнаты медленно, в слезах выходит
Тэвккк. Все обступают ее.*

Г о л о с а. Ну, как?
— Что Басанг?

Тэвккк. Он то теряет сознание, то снова пробуждается. Бредит. Говорит о каких-то жеребцах, о каком-то самурае, бросившем ему в глаза табак. Иди, Мерген, к нему. Посиди с ним, послушай.

Д о в д а. Я тебя понимаю, Тэвккк, нельзя не плакать в такие минуты, но не может быть, чтобы это кончилось печально, не такое теперь время. Теперь из самой Москвы прилетят врачи для того, чтобы спасти человека.

Из комнаты Басанга выходит фельдшер. Лицо у него усталое, сказывается бессонная ночь, проведенная у кровати больного.

Ш у р г ч и (подходит к нему). Луджи Церенович скажите мне, как постороннему, есть надежда?

Ф е л ь д ш е р. (устало садится, закуривает.) Если через полчаса хирург не прилетит, он погиб. Потеряно очень много крови. Рана опасная, а без хирурга я ничего не могу сделать. Дорога каждая минута.

Слышен отдаленный гул самолета. Общая радость и оживление.

Сара. Самолет! Летит врач! Бультин, Бультин, прилетел врач!

Бультин (*фельдшеру*). Не поздно еще?

Фельдшер. По-моему, Басанг спасен.

Шургчи. Нужно привести сюда врача. (*Убегает.*)

Фельдшер (*к Тэвкнк*). Не мучайте себя, вы слышите, ваш сын будет спасен.

Входит врач. В руках у него чемодан с инструментами. За ним идет Шургчи.

Врач (*торопливо надевая халат*). Где раненый? Джи д ля (*указывая врачу на дверь*). Здесь, доктор.

Врач. Кто около него?

Мерген. Наш фельдшер.

Врач. Прошу всех покинуть помещение. Пусть останутся только родные больного.

Никто не уходит. Молчание.

Все родные? В таком случае оставайтесь. (*Быстро уходит в комнату больного.*)

Довда. Врачи всегда строгие. Строгие и чело- речные.

Тэвкнк (*направляясь к двери*). А я, я должна стоять тут и ждать?

Мерген. Я вас не пущу сейчас туда. Обождем здесь.

Тэвкнк (плача). Может быть, сейчас он дожидает последние минуты. И я его больше не увижу. Джидля, иди ко мне.

Робкий и смущенный Джидля прижимается к матери.

Джидля. Сейчас доктор выйдет и все нам скажет.

Довда. Хотите верьте, хотите нет, но, по-моему, этот врач может оживить мертвого.

Врач (показывается в дверях). С кем можно поговорить?

Джидля (подбегая) Со мною.

Врач. А с кем-нибудь постарше?

Мерген. Тогда со мною.

Врач. Для спасения жизни раненого требует кровь, кровь человека. Иначе его не спасти.

Пауза.

Мерген. Если надо...

Шургчи. ...Возьмите мою. У меня кровь первой группы, та же, что и у больного.

Врач. Тогда прошу к больному. А вы, товарищи, оставайтесь тут. Кроме меня к больному не должен заходить сейчас ни один человек. (Уходит вслед за Шургчи.)

Голос. А почему мою кровь не взяли? И я рад бы отдать Басангу свою кровь.

Довда. Не горячитесь! Вам самим понадобится ваша кровь.

Открывается дверь, стремглав вбегает Бада.

Бада. Свадьба еще не началась?

Мерген. Тише!

Бада. Я прискакал из степи, с приветом от табунщиков. Где же Басанг?

Все молчат.

Сара, Бультин, почему вы плачете?

Сара. Садись, Бада, успокойся немного.

Мерген. Бада, случилось несчастье. Сегодня свадьбы не будет. Передай табунщикам, что они могут оставаться в степи. Случилось несчастье. Басанг лежит вот в той комнате, раненый.

Бада. Раненый? Кем?

Мерген. Харом. Шпионом Харом, который пытался вторично ускользнуть от Басанга.

Бада. И вы тут все стоите! Где же преступник?

Довда. Там... в правлении. Он в наших руках.

Бада. В наших руках? Он еще только побывает в моих руках. *(Бросается к двери.)*

Мерген. Стой! Сразу видно, что ты живешь в степи. Самосуд у нас не разрешается. Преступника будут судить.

Бада. Но где же тогда Басанг? Я должен расска-

зять своим табунщикам, что с ним. Он жив? Да говорите же! Он будет жив?

Общее молчание. Бада бросается к двери, но на пороге встречается с врачом.

Врач. Назад!

Мерген Говорите, скорее, доктор!

Бада (*хватая врача*). Говорите, говорите немедленно, а то... десять табунщиков...

Врач (*освобождается из объятий Бада и спокойно надевает очки*). У раненого есть невеста?

Общее удивление.

Бультин (*шатаясь, делает несколько шагов в сторону врача*). Я!..

Сара. Вот она.

Врач (*отчески положив руку на плечо Бультин*). Радуйся, девушка, свадьба обязательно состоится.

Бультин. Доктор, правда?! (*Бросается на шею доктору, тот ласково гладит ее.*)

Врач. Правда. Опасность миновала. У раненого оказался здоровый организм. Только закаленный, крепкий человек, как он, мог вынести такую потерю крови. Но теперь она восстановлена. Через месяц он сможет скакать на самом резвом коне.

Бада. Скачу к табунщикам. Надо сообщить им новость, а то они все ввалятся еще сюда на свадьбу. (*Быстро уходит.*)

Тэвкки. Не знаю, как тебя поблагодарить. Ты вернул мне сына.

Мерген. И я благодарю вас. Наши колхозники никогда не забудут вашего подвига.

Врач. Что вы, я только выполняю свою обязанность. Это мой одиннадцатый вылет.

Довда. Итак, приглашаем вас всех через месяц на свадьбу и в первую очередь вас, доктор.

Голоса. Будет свадьба!..

— Обязательно приезжайте!..

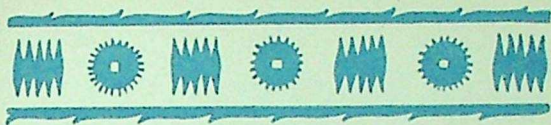
Врач. Большое спасибо! Я люблю свадьбы. (К Бультин.) А на вашу свадьбу я обязательно приеду.

Голоса. Благодарим, спасибо. Приезжайте.

Появляется бледный Шурчи. Шатаясь, он подходит к стулу и опускается на него. Сара подбегает к нему, поддерживает и прижимает его голову к своей груди.

Врач. Вот кого надо благодарить. Вот человек, который спас Басанга.

Занавес

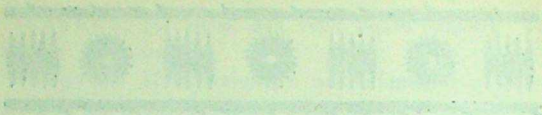
ГАШУТА БААТР

Ч У Ч Е

Комедия к трех действиях

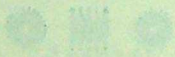
Перевод с калмыцкого Бем. Джимбинова
Литературная обработка К. Локса
Перевод стихов Бориса Бегак

Faint, illegible text, possibly a title or introductory paragraph, located in the upper middle section of the page.

Large, faint, illegible text block in the center of the page, likely the main body of the document.

Комедия Гашута Баатра «Чуче» посвящена истории калмыцкого народа.

Пушкин в своей «Истории Пугачева» рассказывает о начале этих событий так:

«Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы.

Русские приставы, пользуясь их простотой и отдаленностью от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства, выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снеслись с китайским правительством. Им нетрудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток они перешли на другую сторону и потянулись

по киргизской степи к пределам прежнего отечества.» Оставшиеся не успели уйти из-за разлива рек. Чтобы предотвратить дальнейший уход калмыков, Екатерина II решила принять ряд крутых мер. В Петербург были вызваны три наиболее влиятельных калмыцких князя и на обратном пути умерщвлены. После пугачевского восстания, в котором калмыки принимали деятельное участие, они были окончательно лишены какой бы то ни было самостоятельности.

Павел I, задумав войну с Англией, решил воспользоваться калмыцкой кавалерией, которой предназначалось совершить поход на Индию. Желая расположить калмыков к своим планам, он до известной степени восстановил их самостоятельность, назначив заместителем калмыцкого народа нойона Чуче. При Александре I грамота Павла была отменена.

Этот исторический эпизод и обработал в своей комедии Гашута Баатр, воспользовавшись народными преданиями и подлинными документами.

Действующие лица

Тундутов Чуче — богач, в дальнейшем наместник калмыцкого ханства.

Эрдни — его сын.

Болвсан — его жена.

Пиря — их слуга.

Бочкарев — пристав. Мало-Дербетовского улуса*.

Тюменев Мукусен — нойон Хощеутовского улуса.

Гаунг-Шарап — нойон Больше-Дербетовского улуса.

Кююкен — нойон Яндыко-Мочажного улуса.

Джиргал — бедняк.

Адучи — табунщик.

Цаган — его приемная мать.

Ногала — невеста Адучи.

* Слова, обозначенные звездочками, объяснены в конце пьесы

Сеевиг — лама.
Александр Николаевич — учитель.
Мерги-Эрди — мудрец.
Фельдъегер.
Лакей.
Переводчик.
Граф.
Министры 1-й и 2-й.
Павел.

Зайсанги *, старики, старухи, слуги и др.

Действие первое

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Войлочная кибитка Бочкарева. Сидят Бочкарев и Пиря.

Бочкарев (*прочитав какую-то бумагу*). Наконец-то! Целый год добиваюсь, чтобы Чуче пожаловали звание нойона *. Только сейчас получил ответ.

Пиря. Ну, и как?

Бочкарев. Пожаловали.

Пиря. Этого-то я и боялся... Он и не был нойоном, а всячески мучил людей, а теперь что же будет?!

Бочкарев. Хорош гусь! Если вас, чертей, не держать в ежовых рукавицах, вы такого натворите. Каждый день вас надо плетью пороть.

Пиря. А разве нас не порют каждый день?

Бочкарев. И отлично делают. Иди позови Чуче. Скажи, что пристав зовет. О новости ничего не говори.

Пиря. Слушаюсь. (Уходит.)

Бочкарев. Ну-с, запишем доходец! Пятьдесят овец, десять лошадей. (Записывает.) У меня лошадок своих двадцать семь, да еще десять, получим — тридцать семь. Своих овец триста тридцать, добавим еще пятьдесят, получим триста восемьдесят. Да еще можно урвать семь-восемь голов... Чуче так обрадуется, что ничего не пожалеет, единственного сына отдаст, лишь бы стать нойоном. Если раньше ему мало было звания нойона своего хотона*, то теперь, когда речь идет об утверждении его нойоном всего улуса, разве он что-нибудь пожалеет? Кто знает его повадки, тот уж сумеет поживиться. Побуду еще приставом годика два-три, как следует поправлю свои дела. Можно будет продать половину поголовья скота, нанять батраков, вспахать и засеять землю... (Вдруг хватается за живот.) Ой, что это со мной?... Выпили лишнего — вот и схватило... (Выбегает.)

Через некоторое время входят Чуче и Пиря.

Пиря (в сторону). Скажу, будто я видел сон. (Вслух.) Ночью я видел необыкновенный сон.

Чуче. Какой сон?

Пиря (рассказывает). Будто бы утром выхожу я из своей кибитки, и передо мной величественный саманный дворец. У входа его толпятся люди. Спрашиваю, что это за дворец и какие люди? Говорят —

дворец нойона Чуче, а это люди, провинившиеся и наказанные им.

Чуче. Гм... Хороший сон! Ну, ну, а что дальше?

Пиря (в сторону). Что же еще сказать? (Вслух.) Ну, а потом я стал старшим вашим помощником.

Чуче. Только мне и заботы, чтобы сделать тебя своим старшим помощником. Да если ты будешь моим конюхом, то с тебя и этого хватит.

Пиря. Ведь это был сон! И вы приснились мне нойоном.

Чуче. Думаю, сон твой недаром. Бочкарев с прошлого года добивается утверждения меня нойоном. Но до сих пор нет ответа. Дал я ему мало, что ли? Твой сон хороший, вещий сон. Вот тебе. (Дает Пире несколько мелких монет.) Молись богу, чтоб мне пожаловали звание нойона.

Пиря (в сторону). Нашел дурака, буду я звать беду на свою голову! Я лучше помолюсь, чтоб ты подох, а не стал нойоном. (Вслух.) Спасибо, хозяин уж так за тебя буду молиться!..

Чуче. Если твой сон сбудется, я тебя не забуду и не оставлю без милости.

Пиря (в сторону). Вот уже двадцать лет, как ты не забываешь меня.

Бочкарев (входя). Как будто дело на мази... Ну, Чуче, придется тебе еще десяток овец прикинуть.

Чуче. Это почему?

Бочкарев. Хорошие новости. Прикинешь еще десяток овец -- не пожалеешь.

Чуче. Так и быть, пяток прикину. За любую новость нельзя больше дать.

Бочкарев. Пять — мало.

Чуче. А какая новость? Узнаем, прибавим еще.

Бочкарев. Нет, ты сперва обещай десяток овец, тогда...

Чуче. Ладно, пусть будет семь.

Бочкарев. Десять. Меньше нельзя!

Чуче. Я прибавляю две, а ты на две убавь.

Бочкарев. Мы свои люди — сочтемся. Из-за двух-трех овец не стоит спорить. Идет — восемь овец!

Пиря (*в сторону*). Посмотрите, как это «свои люди» торгуются.

Чуче. Хорошо, пусть будет восемь.

Бочкарев. Астраханский губернатор пожаловал себе высокое звание нойона.

Чуче. Значит, правда? Я так и думал. А где грамота?

Бочкарев. Вот. (*Подает грамоту.*)

Чуче. Вот когда Чуче стал нойоном. Прочтите, что там написано.

Бочкарев (*читает*). «Приставу Дербетовского улуса. Канцелярия его превосходительства губернатора Астраханского извещает вас, что по рассмотрении ходатайства зажиточных и знатных стариков и лично его, пристава, его превосходительство соиз-

волил пожаловать Чуче Тундутову звание нойона Дербетовского улуса. Астраханский губернатор Кюоринг. Двадцать второго августа 1800 года. Правитель канцелярии Сивкин».

Чуче. Как хорошо написано! «Пожаловать Чуче Тундутову звание нойона Дербетовского улуса»... А ну-ка, прочитайте еще раз!

Бочкарев читает еще раз.

Дайте мне. (*Берет грамоту и внимательно рассматривает.*) Можно мне взять ее себе?

Бочкарев. По закону должен хранить я. Но так и быть, за две овцы уступлю.

Чуче. Две овцы для меня пустое дело. А грамоту я буду хранить, как зеницу ока.

Пиря. Я же вам говорил, что видел вещий сон. Мои сны всегда сбываются!

Чуче. В самом деле! Вот тебе еще пятнадцать копеек.

Пиря (*в сторону*). Дешево же ценятся сны в зиря* нойона!

Чуче (*Бочкареву*). Вашего благодеяния я никогда забуду. Я стал нойоном благодаря вашей помощи Скот, который я обещал Кюорингу и вам, пусть пасется пока с моим стадом.

Бочкарев. Отлично, пусть мой скот пасется с вашим стадом. Мы свои люди — сочтемся. А то, что следует преподнести его превосходительству, я зав-

тра лично вручу ему в городе. (Вынимает бутылку с водкой.) Выпьем за здоровье нового нойона!

Пиря. Вот это правильно!

Бочкарев (чокается с Чуче). Ну, благословляю вас! Много лет здравствовать!

Пиря. Много лет здравия. (Видя, что Бочкарев ему не наливает.) Видно, вместо того, чтобы выпить, придется только смотреть, как пьют они.

СЦЕНА ВТОРАЯ

У Чуче. Болвсан и Эрдни лежит на кровати.

Болвсан. Вставай. Идет отец, ругаться будет. Он, кажется, опять напился.

Эрдни (быстро встает). Прямо беда, никогда не дадут как следует выспаться.

Болвсан. Ты и так целый день из угла в угол слоняешься, лежишь, не належишься. Лучше бы ты чем-нибудь занялся, встряхнулся бы немного.

Эрдни. А что мне делать?

Болвсан. Скот напоить, за табуном посмотреть. Работы много!

Эрдни. А что же будут делать нанятые работники?

Болвсан. Работы всем хватит. Пошел бы помог им, да и сам поучился работать. Худа от этого не будет.

Эрдни. Я об этом уж сотый раз слышу.
Болвсан. Упрям, как отец.

Входят Чуче и Пиря.

Чуче (*заканчивая разговор*). Вот я каков!

Пиря. Да, да.

Чуче (*Болвсан*). Слышишь, Чуче стал нойоном!

Болвсан. Очень хорошо.

Чуче. Ты не радуешься? Тебе все равно, нойон я или нет? А? Все равно?

Болвсан. Нет, не все равно.

Чуче. А ты, Эрдни, радуешься?

Эрдни. Конечно, радуюсь, отец.

Чуче. Когда я умру, ты будешь моим единственным наследником и станешь нойоном. Слышишь?

Эрдни. Слышу.

Чуче. Если ты не будешь слушаться, я выгоню тебя и звание нойона оставлю Пире. Кого захочу, того в люди выведу, кого захочу, того погублю. Я тебя породил, я и сделаю с тобой, что захочу.

Пиря. Почему же ему не слушаться родного отца? Ваш единственный сын призван прославить ваше имя.

Чуче. Все помалкивает он, тихий какой-то.

Болвсан (*в сторону*). Будешь тут тихим — каждый день только и слышишь наставления.

Чуче. В мать пошел. Смотри какой, и на людей не глядит!

Болвсан. При вас даже словечка сказать нельзя, ни на кого и посмотреть не захочешь.

Чуче. Тебя не спрашивают. Плети захотела?

Пиря. Он еще молод. Вырастет, увидит людей, свет и осмелееет.

Чуче (к Болвсан). А ну-ка, дай напиться. В горле пересохло.

Болвсан (про себя). Напьется, затеет драку. (Наливает водки.)

Чуче. Что ты там бубнишь под нос?

Болвсан. Я?.. Ничего...

Чуче. Нет, ты что-то бубнила. Меня проклинаешь? Меня? Так вот тебе! (Бросает в нее плеть.)

Болвсан опускается на пол.

Не злите меня. Если я разо-злюсь...

Пиря. Кто вас посмеет злить? Мы вас хорошо знаем.

Чуче. То-то. Я живу, как хочу. В своей кибитке я — хан, в чужой — я царь. Выше меня один бог. Больше никого не признаю. Понимаешь?

Пиря. Еще бы не понять! Мы-то вас знаем!

Чуче. То-то. Я нойон. Что захочу, то и сделаю.

Захочу, еще раз женюсь.

Пиря. Кто спорит, конечно.

Чуче. Думаешь, не женюсь?

Болвсан. Сыну пора жениться, а он...

Чуче. Считаете меня старым? Думаете, не могу

жениться? Я и сейчас могу взять любую девушку. А ну-ка, Пиря, не знаешь ли подходящей?

Пиря. В Большом Цохоре есть одна девушка. Она вам понравится. Красивая, умная, да и к тому же рукодельница. Но она засватана.

Чуче. Пусть засватана. Завтра сходи в хурул*, узнай, когда можно за нее посвататься. Слышишь?

Пиря. Конечно, слышу.

Чуче. Ну, смотри.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В степи. Ногала с кожаным мешком собирает кизяк.

Ногала (поет).

Чуче серьгами в ушах блестит,
Чуче весь морщинами покрыт.
Молода Ногала и стройна,
А насильно Чуче отдана.

Мать довольна, и родитель рад —
Старый Чуче знатен и богат.
Только громко бьется пред бедой
Сердце у Ногалы молодой.

Молодой Адучи — просто клад,
Но Адучи беден, говорят.

Красотой Ногала прослыла,
Да слеза румянец залила.

У Адучи трудная пора,
Ни кола у парня, ни двора.
Юная Ногала хороша,
Да измучилась у ней душа.

Если парень милой дал зарок,
Разве бедность милого — порок?
Нелегко притворство для иной,
Тяжко стать немилрого женой.

(Вздыхает. Посмотрев на свою тень.) Как тень удлинилась. Поздно уже. Почему его нет до сих пор?
(Пауза.) Значит, наша судьба такая. Не смей выражать свои чувства! Говорят, одета-обута будешь. Но если здесь *(показывает на сердце)* не спокойно, на что и одежда и обувь? Еще неизвестно, с кем я буду хорошо жить — с нойоном или с батраком. Нойон уже показал свою силу. Кто силен, тот и прав. Кому жаловаться? *(Плачет.)*

Адучи подходит сзади и обнимает ее.

(Испуганно.) Ай! Ну, зачем ты меня пугаешь?

Адучи. Ты плакала?

Ногала *(вытирая слезы)*. Нет, просто так...

Адучи. Просто так не плачут. Что с тобой?

Ногала *(плачет, припав к его груди)*. Нам не суждено больше увидаться.

Адучи. Почему?

Ногала. Меня выдают замуж за другого!

Адучи. За кого?

Ногала. За Чуче, дербетовского нойона.

Адучи. За Чуче? Подожди, я с ним расправлюсь!

Ногала. Что ты! Что ты! Без головы останешься.

Адучи. Если я тебя потеряю, мне и голова не нужна!

Ногала. Что ты говоришь, Адучи? У тебя старуха-мать. Видно, наша судьба такая. И мне тоже не видать счастья.

Адучи. Ничего, я тебя выкраду.

Ногала. Что ты говоришь! Он схватит тебя, и никто не защитит. Судьба нам разлучиться! (Прильнула к нему, достает и дарит кисет.) Храни на память о своей Ногале. Прощай, милый! Не горюй! На следующей неделе моя свадьба... (Поцеловав, уходит.)

Адучи один, растерян.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кибитка Адучи. Адучи и Цаган.

Адучи. Я не успокоюсь, пока не лишу его «славы».

Цаган. Нет, нет, нельзя так. Лучше мир, чем распри и ссоры.

А дучи. Мир, мир... С врагами надо поступать по-вражески. Какой может быть мир с врагом?

Цаган. Победить твоего врага в прямой открытой борьбе нельзя. Здесь нужна находчивость и хитрость. Ты не должен забывать, с кем имеешь дело.

- А дучи. А как ты советуешь поступить?

Цаган (*подумав*). Надо сходить к Джиргалу*. Он верный защитник бедных и сирот. Он не боится сказать правду, даже если она против нойонов. За смелые схватки с нойонами и зайсангами его прозвали свирепым волком. Только он может вступить в единоборство с Чуче. Только у него надо искать защиты и спасения.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Войлочная кибитка. Ребятишки-школьники сидят и пишут. Александр Николаевич стоит с мелом в руке.

Александр Николаевич. Записали?

Ребята. Записали.

Александр Николаевич. Ну, до свидания, ребята, до завтра.

Ребята. До свидания, Александр Николаевич.
(Уходят.)

Входит Джиргал.

Джиргал. Как учатся ребята?

Александр Николаевич. Хорошо, Джиргал. Впервые учу таких прилежных, способных ребят.

Джиргал. Я давно настаивал на открытии школы. Что за страна, если она бескультурна? Сколько искусных людей в нашей степи погибают во мраке, остаются забытыми из-за неграмотности!

Александр Николаевич. О, да! Сколько в этой стране своих Ломоносовых и Вольтеров не сумели пробиться сквозь темноту, невежество и остались в неизвестности.

Джиргал. Надо добиться обучения всех. Надо открыть большие, настоящие школы.

Александр Николаевич. Если каждый нойон построит по одной школе, то и это будет хорошо.

Джиргал. Ждите от нойонов, они вам построят! Когда они узнали, что у вас учатся ребята, да и я на старости лет, — они высмеяли нас.

Александр Николаевич. Пусть говорят, что хотят, а мы свое дело будем делать и дальше. Со временем соберем денег и построим большую школу. А вы скоро выучитесь и сами прочтете Вольтера, и Руссо, и Радищева, и других великих людей.

Цаган (входя). Здравствуйте, Джиргал.

Джиргал. Здравствуйте. Вы ко мне, бабушка?

Цаган. К вам.

Джиргал. По какому делу?

Цаган. У меня есть приемыш, Адучи, мы ему сосватали девушку, договорились с ее родными, к весне хотели устроить свадьбу. А сейчас нойон Чуче перебил нам дорогу и сватает ее. Родные девушки отказались от нас и согласны ее выдать замуж за Чуче. На этой неделе свадьба. Вот я и пришла к вам, вы нам советчик и защитник — помогите!

Джиргал. А за кого хочет выйти девушка?

Цаган. За Адучи. Да разве с ней будут считаться?!

Джиргал (подумав). Хорошо, бабушка. Сегодня ночью я еду в Дербеты. Побываю у Чуче. А вы пришлите ко мне Адучи, пусть едет со мной вместо кучера, может быть, он тоже понадобится.

Цаган. Только вы можете помочь нам. Счастливого пути! Сейчас же пришлю Адучи.

Джиргал. До свиданья, бабушка.

Цаган уходит.

Александр Николаевич. Что вы намерены сделать?

Джиргал. Пока не знаю. По пути обдумаю.

Александр Николаевич. Вряд ли что выйдет. Чуче поддерживает сам Бочкарев, а он, как

известно, в хороших отношениях с астраханским губернатором.

Джиргал. В жизни нет ничего невозможного, Александр Николаевич!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

На бугре перед кибиткой Чуче. Чуче и Джиргал.

Джиргал. Чуче, может быть, сватов не отправлять?

Чуче. Это почему же?

Джиргал. Да ведь девушка сосватана другим.

Чуче. Ну, что ж из этого? Мне уже дали согласие.

Джиргал. А позор? Ты потом не избавишься от него: нойон — женился на девушке; сосватанной с другим. Да и не любит она вас.

Чуче. Гм... Почему ей не любить меня? Ведь нойон! Что ей еще надо?

Джиргал. Человек, ей нужен человек!

Чуче. А я — не человек?

Джиргал. Человек человеку рознь.

Чуче. Знаешь что, Джиргал? Лучше прекрати эти козни! Не вмешивайся не в свое дело!

Джиргал (*нервно*). Не в свое дело! Мы еще посмотрим, кто кого. До последнего вздоха я буду защищать бедняков.

Чуче. Да, это мы знаем, ты уже сидел в астраханской тюрьме. Берегись, Джиргал!

Джиргал. Берегитесь сами! Я никогда не боялся ни злого нойона, ни злой собаки!

Чуче. Ну, твое счастье, что ты ни разу не попал в мои руки. (Входит в кибитку.)

Джиргал. Еще посмотрим, чья возьмет. (Зовет.) Адучи!

Входит Адучи.

Мирно мы не договоримся. Как только собрание окончится, мы выедем и этой же ночью похитим Ногалу. Приготовь коней и не уходи далеко.

Адучи. Хорошо. (Уходит.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

У Чуче. Эрдни, Болвсан и Пиря.

Пиря (входя). Сваты уже уехали. Вернутся послезавтра. Говорят, нойон женится второй раз, все идет вверх ногами.

Болвсан. Эрдни, умоляю тебя, уйдем от этой проклятой собаки!

Эрдни. Что ты говоришь, мать! Я не могу бежать от своего счастья. Если завтра умрет отец, я, как единственный наследник, буду нойоном, буду жить припеваючи, как захочу, не ведая ни нужды,

ни забот. А уйду с тобой — всю жизнь буду гнуть спину. Нет, не пойду я с тобой. Если хочешь, уходи сама.

Пиря (*в сторону*). Яблоко от яблони недалеко падает.

Болвсан. И муж от меня отказался и сын... Что мне теперь делать?.. (*Плачет.*)

Пиря (*про себя*). Вот и ей некуда деваться. (*Подумав.*) А не предложить ли ей выйти за меня? Я хоть и неказист, зато человек честный, да и полюбилась она мне.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Возле кибитки сидят Мукусен, Кююкен, Гаунг-Шарап, Чуче, Джиргал, Мергн-Эрдни, хурульный, багша*, зайсанги, старики.*

Мукусен. Мужичи! Мы собрали вас по важному делу. От его величества белого царя Павла получен приказ послать к нему одного князя и одно духовное лицо. Обсудим — кого послать к царю.

Джиргал. А он не пишет, почему вызывает их?

Мукусен. Нет. Но один должен быть нойоном, а другой — багшой*.

Кююкен. Пошлем Тюменева Мукусена, он самый знатный и образованный из нойонов.

Н о й о н ы. Правильно, правильно!

М е р г и - Э р д и. Мужики! Будьте осторожны! Нет ли здесь злого умысла? С тех пор, как наши предки откочевали за Алтай, прошло около тридцати лет. За это время мы не видали ничего хорошего от белого царя. Он отнял у нашего хана права, упразднил наш суд и посеял распри между улусами и родами, поставил своих приставов. Белая царица вызвала к себе в Петербург наших лучших ханов — Асхра, Яндык и Цевик-Увши — и умертвила их. Может быть, белый царь и на этот раз задумал совершить злодеяние. Предусмотрительный человек никогда не плачет!

В с е. Вот это разумно!

Г а у н г - Ш а р а п (*в сторону*). Теперь, Чуче, тебе не быть владыкой Больше-Дербетовского улуса (*Вслух.*) Наш мудрый старик высказал очень верную мысль. По-моему, надо послать Чуче.

В с е. Правильно, правильно!

Ч у ч е. Мужики! Вы выдасте меня головой! Ведь не прошло и семи дней, как я стал нойоном. А кроме того, я послезавтра женюсь.

В с е. Ничего, ничего! Свадьбу отпразднуем, когда вернешься.

Д ж и р г а л (*в сторону*). Вызов царя значит что-то другое... Но пусть будет, что будет. Не пойдем против общего мнения.

Чуче. Мужи! Что вы со мной делаете? (*Падает на колени.*) Пощадите, помилуйте!

Мукусен. Господин багша! Какое духовное лицо вы считаете нужным послать?

Багша. У нас есть неграмотный захудалый гелюнг*. Его и надо послать.

Чуче (*становится на колени перед Мукусеном*). Мукусен, ведь мы родственники! Что ты делаешь?

Мукусен. Ничем не могу помочь. Общее решение.

Чуче. Не поеду! Делайте, что хотите, хоть вяжите меня!

Гаунг-Шарап. Посмотрим, как ты не поедешь. А ну-ка, свяжите его.

Трое мужчин связывают Чуче.

Чуче. Вот твоя месть, Гаунг-Шарап!.. Я согласен — ты будешь больше-дербетовским нойоном вместо меня, только освободи... Эрдни, Пиря, где вы? Помогите!

Пиря. Здесь. Наконец-то я от тебя избавляюсь! (*Помогает связывать.*)

Эрдни. Вот ты и стал нойоном, Эрдни! (*Уходит.*)

Голос Болвсан. Как я рада!.. Эй, Пиря, Шев, Аля, кто-нибудь скачите за сватами, верните их обратно!

А дучи. Я поскачу и верну их. Вот как пришло
избавление от врага, милая моя, Ногала моя... (Вы-
бегает.)

Пиря (помогая нести связанного Чуче). Говорят,
если ожидаешь несчастье, то можно его отвратить.
о, хяярхи! *

З а н а в е с

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В одной из комнат Коллегии по иностранным делам в Петербурге. Сидит камер-лакей.

Фельдъегерь (*входя*). Пакет его сиятельству господину министру Коллегии по иностранным делам. (*Вынимает пакет и отдает.*) При пакете доставил двух калмыков.

Лакей. Где они?

Фельдъегерь. Связанные, в повозке.

Лакей. Связанные? Что за люди?

Фельдъегерь. Не могу знать. Так что приказали следить за ними. Было предуведомлено, что могут сбежать.

Лакей. Подождите здесь. (*Уходит.*)

Фельдъегерь. Слушаюсь. (*Садится.*) Три недели тряслись на перекладных, ни поесть, ни отдохнуть... (*Зевает и крестится.*) Устал досмерти!

О-хо-хо!.. (Преодолевая дремоту.) Какая нынче дождливая и грязная осень... (Засыпает.)

Лакей (войдя, будит его). Эй, ты что, спать приехал? Вставай, веди своих людей, их встретит сам граф.

Фельдъегерь. Слушаюсь. (Уходит.)

Лакей. Видно, злодеи что надо. Его сиятельство прочитали доношение и даже в лице изменились. Тотчас отправили нарочного в Гатчину, к его величеству. Здесь, звери, попались!

Фельдъегерь вводит в комнату насквозь промокших от дождя, связанных Чуче и Сеевнга. Они падают перед лакеем на колени и кланяются ему.

Чуче. Ваше величество, пощадите, помилуйте!

Сеевнг. Пощадите, помилуйте!

Лакей (испуганно, фельдъегерю). Возьми их прочь!

Фельдъегерь поднимает Чуче и Сеевнга, сажает на стулья.

Чуче. Пропали мы! Он даже и слушать не хочет нас!

Сеевнг. Спаси нас, господи!

Лакей. Ага, попались, звери! Меня чуть не убили!

Чуче. Сеевнг, прочитал бы ты молитву.

Сеевиг. Откуда мне, простому слуге, знать молитву?

Чуче. Чавас! * Даже перед смертью мы не можем прочитать молитву!

Сеевиг. Холод какой! У меня зуб на зуб не попадает, промок до костей... О, боже, что же он молчит?

Чуче. Он чем-то расстроен. Разве не видишь, как у него дрожат руки?

Входит переводчик.

Переводчик. Я монах Георгий. Меня вызвал граф.

Лакей. Значит, вы и будете их переводчиком. Граф скоро выйдет. Подождите здесь.

Переводчик. Вы калмыки?

Чуче. Наконец, встретился человек, знающий калмыцкий язык. Да, калмыки!

Сеевиг. Передайте, пожалуйста, его величеству царю, я простой слуга. За что же меня убивать?!

Переводчик. Какому царю?

Чуче (плачет). Не прошло и семи дней, как я стал нойоном, меня связали и привезли сюда. Я стал нойоном не по своей воле, это сделал наш пристав. Передайте, пожалуйста, об этом его величеству царю.

Переводчик. Какому царю, где он?

Чуче. Разве рядом с вами не царь?

Переводчик. Это не царь, а лакей. (*Лакею.*)
Они думают, что вы царь.

Все смеются.

Чуче. Если у них лакей такой, то каков же сам царь?

Входит граф.

Фельдъегерь (*вытягиваясь*). Честь имею доложить: по приказанию вашего сиятельства доставил двух калмыков.

Граф. Почему они связаны?

Фельдъегерь. Так что было опасение, как бы не сбежали.

Граф. Болван! Как могут сбежать самые лучшие нойон и лама Калмыкии, вызванные к самому царю? Развязать их!

Фельдъегерь. Слушаюсь! (*Развязывает.*)

Чуче (*падает к его ногам*). Помилуйте, помилуйте!

Граф. Почему они так плохо одеты? Как я их представляю в таком виде государю? Ведь это самые лучшие нойон и лама Калмыкии. Разве у них нет другой одежды?

Фельдъегерь. Никак нет, ваше превосходительство. Второпях не сумели захватить смены.

Граф. Вот болваны! Где же для них достать калмыцкую одежду?!

Чуче (*переводчику*). Что он говорит?

Переводчик. Да подождите вы!

Лакей. Осмеляюсь доложить, ваше сиятельство, в Эрмитаже имеются подходящие одеяния.

Граф. Пожалуй, правильно. (Переводчику.) Вы—переводчик?

Переводчик. Да, я—переводчик, монах Георгий.

Граф. Поезжайте с ними в Эрмитаж. Скажите от моего имени, пусть их оденут как следует, и немедленно с ними отправляйтесь в Гатчину. Государь будет ожидать.

Переводчик. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Граф (лакею). Прикажи подать лошадей. Еду в Гатчину.

Лакей. Слушаюсь.

Чуче (переводчику). Что он говорит?

Переводчик. Говорит, одеть вас нужно. Пойдем.

Граф (переводчику). Если на расспросы государя они будут отвечать не то, что надо, вы исправляйте, переводите как следует.

Переводчик. Слушаюсь, ваше сиятельство.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В гостиной царского дворца в Гатчине. Министры в мундирах.

Граф (войдя). Его величество еще не выходили?

1-й министр. Нет. А где же знатные калмыки?

Граф. Скоро приедут.

2-й министр. Каковы обличьем?

Граф. Лучше об этом не говорить, сами увидите.

1-й министр. Говорят, весьма представительные люди. Недаром о них идет молва.

3-й министр. Говорят, очень смелые, сильные люди.

2-й министр. Что же, так и должно быть, дикий народ.

Входит Павел. Все встают, кланяются.

Граф. Ваше императорское величество! Вызванные вами нойон и лама Калмыкии прибыли.

Павел. Уже утром докладывали. А где они?

Граф. Тотчас придут.

Камер-лакэй (*открывая дверь*). Честь имею доложить — прибыли калмыцкий нойон Тундутов Чуче и лама Сеевнг.

Павел. Пусть войдут.

Входят Чуче и Сеевнг, одетые в костюмы китайских мандаринов. С ними переводчик.

Чуче (*дрожа, спрашивает у переводчика*). Который из них царь?

Переводчик. Я и сам не знаю. Наверное, вот тот, полный...

Чуче и Сеевнг падают на колени перед 1-м министром.

Чуче. Помилуйте, не губите!.. У меня дома маленький сын и жена...

Граф (*переводчику*). Кому они кланяются? Ты что, не видишь, где царь?

Переводчик (*Чуче и Сеевнгу*). Царь, говорят, вон тот, крайний, невысокого роста.

Чуче. Тот? Не может быть!

Павел (*подходит к ним и кричит*). Кто такие?

Чуче и Сеевн, пугаясь в своих халатах, мечутся и трясутся от страха.

Граф (*переводчику*). Как вы их одели? Ведь это оперные костюмы.

Переводчик. В Эрмитаже нет калмыцких национальных костюмов, дали халаты китайских мандаринов, ваше сиятельство.

Павел. Это калмыки?

Граф. Так точно, ваше императорское величество, калмыки.

Павел. Как живут мои верноподданные калмыки?

Чуче. Что нам говорить о жизни калмыков, когда мы не знаем о своей собственной судьбе?

Переводчик (*Павлу*). Его сиятельство ноён говорит, что рабы вашего величества калмыки живут хорошо и здравствуют под вашим покровительством.

Павел. Как ехали сюда?

Граф (*в сторону*). Вот когда мы попадемся! (*Многозначительно смотрит на переводчика.*)

Переводчик. Спрашивает, как вы ехали сюда.

Чуче. Измучились, всю дорогу были связаны.

Переводчик. Его сиятельство нойон говорит, что скали хорошо.

Павел. Как ваше здоровье, господин лама?

Переводчик. Спрашивает, как ваше здоровье, господин лама.

Сеевиг. Какой я лама! Скажите ему, что я простой слуга, хурульный повар.

Переводчик. Ваше сиятельство, лама говорит, что его здоровье прекрасно.

Павел. Лама и нойон! В прежние времена, когда калмыки не повиновались и бежали из России в Китай, великая Екатерина, разгневанная непокорностью, лишила их ханства. Ныне мы, император всероссийский, решили вновь пожаловать своим верноподданным калмыкам ханский престол.

Переводчик все время переводит слова Павла.

Поэтому мы вызвали вас, самых лучших и знатных людей Калмыкии. Вас, нойон Тундутов Чуче, утверждаю заместителем калмыцкого ханства и жалаю вам знамя, соболью шубу, шапку и саблю. А вас, лама Сеевиг, утверждаю главным ламой Калмыкии и жалаю вам шубу и шапку. Все доходы Калмыкии отныне принадлежат нойону Тундутову и ламе Сеевигу, в ознаменование чего вам вручается грамота.

Чуче. Я так и думал. Никто, кроме меня, в Калмыкии не достоин такой высокой чести.

Занавес

Действие третье

СЦЕНА ПЕРВАЯ

У Чуче. Разодетый Пиря и Болвсан.

Болвсан. Пиря, почему ты так разоделся сегодня?

Пиря (в сторону). Честное слово, влюбилась! (Вслух.) Есть у меня причины для этого.

Болвсан. Какие же причины?

Пиря. Я хотел вам сказать... (В сторону.) Как я ей скажу? (Вслух.) Я хотел вам сказать... несколько слов... Болвсан... (В сторону.) Слова застревают в горле...

Болвсан. Говори, я слушаю.

Пиря (в сторону). Как мне сказать?..

Болвсан. Ну, говори же. (В сторону.) Любопытно, о чем он хочет спросить?

Пиря (про себя). В скверное попал положение...

Болвсан. Чего же ты боишься, как будто не знаешь меня.

Пиря (*в сторону*). Честное слово, так и ждет предложения. Она влюбилась, да-да, влюбилась... (*Вслух.*) Если я скажу, вы не рассердитесь?

Болвсан. Нет, почему же. (*В сторону.*) Странно, никогда не думала, что Пиря такой застенчивый. Почему он так долго не решается спросить меня?

Пиря (*в сторону*). И ведь хорошо обдумал, как сказать о женитьбе, а сейчас забыл. Забыл, черт возьми! (*Вслух.*) Болвсан, с тех пор, как уехал Чуче, прошло много времени. До сих пор мы ничего не знаем о нем...

Болвсан. Ты хочешь поехать и разузнать?

Пиря. Не-ет... (*В сторону.*) Что это она притворяется не понимающей?

Болвсан. В таком случае, чего же ты хочешь?

Пиря (*про себя*). Ну, говори же, дурак... (*Вслух.*) Болвсан, я хотел сказать вам...

Входят Эрдни и Бочкарев.

Тыфу, всегда так, всегда меня губит робость. Дурак! (*Уходит.*)

Эрдни. Отец, если бы ничего не случилось, вернулся бы. Оставлять дальше улус без главы нельзя. Прошу вас ходатайствовать перед астраханским губернатором о назначении меня нойоном вместо отца. Овцы и лошади для вас готовы.

Бочкарев. Написать, конечно, можно, надо

только хорошенько подмаслить Кноринга. Иначе дело затянется надолго.

Эрдни. А если я прибавлю одну-две лошади?
Бочкарев. Тогда дело выйдет.

Вбегает испуганный Пиря.

Пиря. Чуче едет! Чуче едет!

Болвсан. Едет, едет?.. *(Выбегает.)*

Эрдни. Разве такой пропадет?!

Бочкарев. Жаль... Пойдемте встречать. *(Выходит с Эрдни.)*

Пиря. Теперь ты, Пиря, попался. Вспомнит он, как ты помогал связывать его. Пришла беда! *(Выбегает.)*

Голос Чуче. Кто думал, что я пропаду?

Чуче и остальные входят в кибитку.

Чуче. Ну, кто меня может погубить? Отвечайте!

Общее молчание.

А, Пиря! Здравствуй. Ты ведь меня тоже связывал?! *(Дает пощечину.)* Получи! Ты думал, я пропаду? *(Бьет по щекам.)* Вот тебе! Вот тебе!

Пиря *(падая на колени)*. Виноват, виноват! Делайте со мной, что хотите.

Чуче. Вечером получишь пятьдесят плетей.

Пиря *(молясь)*. Слушаюсь. *(В сторону.)* Пожалуй, легко отделаюсь!

Чуче (обращаясь к Эрдни). Сними с меня шубу.

Эрдни снимает шубу.

Не так. Шубу не умешь снять? (Дает пощечину.)

Бочкарев. Как сжали, Чуче?

Чуче. Разве ты сам не видишь?

Бочкарев. Видеть-то вижу, но...

Чуче. На, прочитай, все поймешь. (Подает грамоту.)

Бочкарев (прочитав). Очень хорошо.

Чуче. Ко мне из Петербурга едет другой пристав.

Бочкарев. Другой пристав?

Чуче. Да. А ваша милость готовься к отъезду, рассчитывайся с пастухами.

Бочкарев. Как рассчитываться? С какими пастухами?

Чуче. Что же, по-твоему, я должен платить пастухам, которые пасли твой скот?

Бочкарев. Мой скот пасся вместе с вашим.

Чуче. А мой скот кто-нибудь пас? Пас. Твой скот с моим пасся? Пасся. Плачу я своим пастухам? Плачу. Почему же ты не должен платить?

Бочкарев. Такого уговора у нас не было.

Чуче. Мало ли что не было. Не заплатишь — не отдам обещанных овец и лошадей.

Бочкарев. Без моей помощи вы не были бы нойоном. Вы это забыли?

Чуче. Зато без твоей помощи я стал наместником.

Бочкарев. Я не думал, что вы такой неблагодарный.. Э, да что говорить! Азиат останется азиатом. (Выходит.)

Болвсан наливает чай Чуче.

Чуче. Смотрите, какой бесстыдник! (Делает глоток и обжигается. *Рассердившись, бросает чашку с чаем в Болвсан.*) Ты почему не предупредила, что чай горячий?

Болвсан. Мог бы сам догадаться, чай только что снят с огня.

Чуче. Обожгла мне рот, да еще ворчит. (Обращаясь к Пире.) Немедленно избавь меня от нее. Седлай коня и поезжай в хурул*. Узнай день моего восхождения на престол и свадьбы.

Пиря. Слушаюсь.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дом-усадебка нойона Тюменева Мукусена. В доме Мукусен, Гаунг-Шарап, Мергн-Эрдни, два-три зайсанга и еще несколько человек.

Мукусен (обращаясь к Мергн-Эрдни). Видишь, сробака, что ты наделал, мудрствуя не по разуму?

Мергн-Эрдни. Всемиловейший князь, я не мог знать...

Мукусен. Всегда знаешь, а на этот раз не мог! Мергн-Эрдни. Я думал о вашем благополучии.

Мукусен. Видно, как ты думал о моем благополучии, собака! *(Дает пощечину.)* Говорят, дырявая кибитка губит семью, чрезмерно мудрствующий губит себя. Возьмите его и дайте двадцать пять плетей. Не будь тебя, старый дурак, я был бы уже наместником.

Гаунг-Шарап. Из-за тебя, проклятого, я потерял свой улус. Если бы нойон Тюменев был наместником, все стало бы по-другому. *(Слугам.)* Не жалейте, порите его хорошенько.

Мергн-Эрдни. Ваше право, что же мне делать.

Мергн-Эрдни уводят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Две кибитки, соединенные вместе. На переднем плане сидит Чуче в меховой шубе, шапке и с саблей. За ним духовные лица, нойоны, зайсанги, старики во главе с Тюменевым Мукусеном, Кююкеном и Гаунг-Шарапом. По левой стороне старухи.

Чуче. Когда мы приехали в Петербург, нас тотчас отвезли в царский дворец. Во дворце на нас одели какие-то чудесные халаты и повезли к самому

царю. Ехали мы очень долго. Вошли в приемную царя. Там собрались все министры и ждали нас. Когда мы вошли, все встали и поздоровались с нами за руку. Сам белый царь Павел посадил меня рядом с собой и, похлопывая по плечу, говорил: будем братьями.

Гаунг-Шарап (*в сторону*). О, боже, как он врет, как врет!

Чуче. Потом он сказал: «Ты, Чуче, хороший человек, я назначаю тебя калмыцким наместником. Дарю тебе вот это знамя, меховую шапку и саблю». От царя Павла мы поехали осматривать Петербург. На улицах останавливались и с удивлением смотрели на нас.

Гаунг-Шарап. Вас нарядили в удивительные одежды, поэтому люди и смотрели.

Чуче (*не обращая внимания на Гаунг-Шарапа*). Сюда идет Ончоров Охтр Кеке. Помолчите, я его назначаю кравчим.

Джиргал (*войдя*). Лучшие люди Калмыкии — наместник, нойоны, зайсанги, седовласые старцы и старухи, духовные лица, краснощекие девушки — все от мала до велика живы и здоровы?

Все. Живы и здоровы.

Чуче. И ты тоже жив-здоров?

Джиргал. Жив и здоров.

Чуче. Джиргал, ты человек с языком, ты находчив, будь же нашим кравчим.

Джиргал. Если все лишились языка, то я согласен.

Входит Сеевнг, поднимается на переднее возвышение и садится на видном месте.

(Получив благословение у Сеевнга.) Нойоны, зайсанги, подойдите к ламе, он благословит вас.

Чуче. Джиргал правильно говорит.

Пиря *(в сторону)*. Джиргал неспроста первым подошел и получил благословение у ламы.

Мукусен. Джиргал всегда отмахивался от хурула, а сегодня...

Все встают, подходят к ламе, получают благословение.

Джиргал. Если не почитать самого лучшего из всех духовных лиц Калмыкии, то кого же тогда почитать?

Сеевнг. Правильно, правильно, Джиргал.

Пиря. Я говорил, что Джиргал неспроста первым подошел к ламе. А Чуче даже не догадывается, что все это насмешка.

Входит, пошатываясь, Мергн-Эрдни.

Мукусен *(Гаунг-Шарапу)*. Мергн-Эрдни идет жаловаться наместнику.

Гаунг-Шарап *(про себя)*. Подожди, выйдем отсюда, я тебе покажу, как жаловаться.

Мерги-Эрдни. Господин наместник, за то, что я посоветовал отправить вас в Петербург, нойон Тюменев и Гаунг-Шарап дали мне двадцать пять плетей.

Чуче. Только двадцать пять? Мало дали. Проклятая собака! Так это по твоему совету послали меня на гибель? Дайте ему еще пятьдесят плетей.

Мерги-Эрдни уводят.

Мукусен. Отлично! Больше жаловаться не будет.

Джиргал (*про себя*). Подождите, за старика я вам отомщу... (*Пересаживает собравшихся: нойона Мукусена с первого места на второе, а на его место сажает Кююкена.*)

Чуче. Джиргал, почему ты пересадил с первого места на второе самого знатного и богатого из нойонов Мукусена?

Джиргал. Господин наместник, я полагал, что нойон Мукусен не является потомственным нойоном. А восхождение на престол наместника первым должен приветствовать не только знатный и богатый, но и потомственный нойон. Такой нойон — Кююкен, я и посадил его на первое место. Если господин наместник считает это неправильным, то может действовать по своему усмотрению.

Чуче (*в сторону*). Все правильно, ничего не поделаешь. (*Вслух.*) Хорошо, пусть будет так.

1-й старик. Наш Джиргал одним выстрелом убил наповал обоих. Ведь сам Чуче не потомственный нойон.

Пирия. Говорят, правда глаза колет. Мукусен сразу притих.

Мукусен (*Джиргалу*). Ты ходишь, как рыбовлов. Раскорячил ноги и машешь без дела руками, словно веслами. Как ты смеешь копаться в моей родословной!¹

Джиргал. Ого! Ему хочется посмеяться над моею походкой. Что же тут остроумного? Ты действуешь клыками там, где нет камыша².

Все смеются.

1-й старик. Он нанес ему смертельное оскорбление.

2-й старик. Слова нашего Джиргала обжигают сильнее, чем удары плети.

Чуче (*стараясь утихомирить спорящих*). Довольно. Пора начинать. Уже все собрались.

Мукусен (*про себя*). Подожди, Джиргал, я тебе отомщу!

Чуче. Лучшие, знатные люди Калмыкии, уважаемые старики и старухи! По вашей общей воле, как ваши избранные...

¹ Намек на происхождение Джиргала. Рыболовы — бедняки.

² Кабаны роют клыками перелески камыша.

Пиря (в сторону). Мы их связали, отправили силой, теперь оказывается, они были нашими избранниками.

Чуче. ...я и гелюнг Сеевиг послали в Петербург к его величеству белому царю Павлу. Царь Павел внимательно выслушал нас и сего четырнадцатого октября пожаловал нашему народу престол калмыцкого ханства, пожаловал нам всю землю от Дона, Маныча и Кумы до Царицына и закрепил все это грамотой. Он назначил меня наместником на правах калмыцкого хана и подарил мне это знамя, меховую шубу, шапку и саблю. Гелюнга Сеевиг его величество назначил главным ламой Калмыкии и подарил ему шубу и шапку. Лучшие и знатные люди Калмыкии! Мы тридцать лет жили без своего ханского престола. Сегодня нам его возвратили обратно. В ознаменование такого торжественного дня я учреждаю здесь главную резиденцию нашего главного ламы. Пусть славится наш хурул и наш лама!

Все. Пусть сбудется ваше благопожелание.

Джиргал. Господин наместник! В Калмыкии нет ни одной школы, а хурулов не сосчитать. Вместо новых хурулов постройте одну хорошую школу. Калмыки этого не забудут.

Сеевиг. Умный человек, а говорит глупости. Чуче построят новый хурул и спасет свою душу. А какая ему польза от того, что он выстроит школу?

Чуче. То-то. Чем больше хурулов, тем больше милости от господ. А зачем строить школы?

Джиргал. За школы народ сохранит о вас вечную память.

Сеевиг. Довольно, Джиргал!

Джиргал. Чавас! (В сторону.) Чего ожидать от нойона Чуче?!

Слуги, подавая чаши с вином, поют песню, прославляющую нойонов, зайсангов и прочую родовую знать.

Кююкен. Пусть престол нашего наместника и главного ламы сияет ярче лучей солнца! Пусть крепнет и здравствует без войны и потрясений наша родная страна Калмыкия. (Выпивает.)

Все. Пусть сбудется ваше благопожелание.

Джиргал (в сторону). Сомневаюсь, чтобы при таких наместнике и ламе мы прожили без войны и потрясений. Этого не может быть!

Начинается пиршество.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Степь. Нойоны, зайсанги, наместник и лама на одной стороне сцены, а простолюдины, недалеко от них, на другой стороне. Скачки. За сценой слышен стук копыт.

Чуче. Моя гнедая идет впереди всех.

Сеевиг. Да и здорово обогнала.

Мукусен. Сколько кругов сделали?

Пиря. Одиннадцать.

Чуче. Всего три круга осталось.

Пиря. Гнедая Чуче обязательно получит первый подарок.

Чуче. Наша возьмет!

1-й старик. Чья это лошадь, на которой скачет парень с красным платком?

Джиргал. Это его лошадь. Все его богатство. У него больше ничего нет.

1-старик. Если эта лошадь не отобьет первый подарок, я отдам свою последнюю коровенку.

2-й старик. Давай спорить?

1-й старик. Давай!

2-й старик. Первый подарок возьмет гнедая Чуче. Если она не придет первой, я готов отдать своего жеребенка. Джиргал, будь свидетелем.

Джиргал разнимает спорящих.

1-й старик. Эй, парень с красным платком! Отпускай! Отпускай повод!

Голос. Наша возьмет! Наша возьмет!

Чуче. Последний круг.

Пиря. Не понимаю, гнедая Чуче уже отстает.

-Сеевиг. Смотрите, парень обгоняет!

Чуче. Чья эта лошадь?

Пиря. Молодого табунщика, прибывшего вместе с Джиргалом.

Чуче. А зачем ему нужна такая хорошая беговая лошадь?

Джиргал. Разве бедняки не могут ездить на хорошей беговой лошади?

1-й старик (хлопает в азарте шапку об землю).
Ведь я говорил! Я говорил!

Голоса. Парень с красным платком пришел первым... Гнедая Чуче отстала...

Чуче (Сеевнгу). Лошадь, пришедшая первой, от жеребца нашего абганеровского хотона. Надо отнять у парня и лошадь и подарок.

Сеевнг. Я так же думаю — надо отнять.

1-й старик. Джиргал, что они делают? Отнимают!

3-й старик. Это неправильно, Джиргал!

4-й старик. Джиргал, мы не позволим! Без борьбы не отдадим!

Джиргал. Если Чуче признал, что жеребенок от его жеребца, пусть берут. Адучи, не сопротивляйся, отдай.

1-й старик (соседям). Не понимаю, почему Джиргал не защищает его?

Адучи (войдя). Отняли мою лошадь!

Джиргал. Не унывай. Будешь участвовать в борьбе?

Адучи. Без подготовки?

Джиргал. Ничего. Померяешься силами с борцом ламы Сеевнг.

А д у ч и. Хорошо.

Собравшиеся рассаживаются кругом. С двух сторон выходят два борца с завязанными глазами.

Руководитель борьбы. В борьбе участвуют борец пойна Тюменева Мукусена и борец наместника. Награда — корова, овца и кирпич чая.

Начинается борьба.

Мукусен. Так его! Так его!

Чуче. Мой борец непобедим! Никогда и никем!

Побеждает борец Чуче.

Вот, видите! Я вам говорил!

Руководитель борьбы. В новой борьбе участвуют борец ламы Сеевиг и борец Джиргала. Награда — жеребчик-двухлетка.

Сеевиг. Не опозорь наше высокое имя. Крепись. Так его!

Джиргал. Адучи мой! Будь настоящим борцом! Подними его на воздух и положи на обе лопатки!

1-й старик. Это тот, у которого отняли лошадь... Победил...

Шум толпы.

Чуче. Кто этот сильный парень?

Джиргал. Это сын вдовы, работавшей поварихой в вашем хуруле, лама Сеевиг. Она ушла оттуда

беременной. Выходит, он тоже сын дербетовского жеребца. Возьмите его вместе с лошастью.

Все смеются.

1-й старик. Ведь Сеевнг был тоже там поваром. Выходит, это его сын... Ха-ха-ха!

3-й старик. Неспроста давеча Джиргал промолчал!

Сеевнг. Отдайте ему и лошадь и подарок. Избавьте нас от него.

Руководитель борьбы. Победил борец Ончхорова Джиргала.

Чуче. Нойоны и зайсанги! Старики и старухи! По окончании торжества, посвященного нашему восхождению на престол, предстоит другое торжество. Сегодня я женюсь. Прошу всех вас принять участие и в этом торжестве.

Все выражают согласие.

Джиргал (*Цаган*). Цаган, пора действовать.

Цаган (*подходит к Чуче и Сеевнг, кладет перед ними бурдюк с аракой**). Господа наместник и лама! В день чествования вас и в день женитьбы господина наместника вышел в люди, женился и мой сын. Радуюсь совершившемуся, я пришла к вам за благословением.

Чуче (*в сторону*). Очень кстати. Смерть, как пить хочется! Сейчас мы выпьем как следует

(Вслух.) Желаю счастья вашему сыну. Откройте бурдюк. Мы благословим и выпьем за здоровье молодых.

Пиря (открывает бурдюк и наливает араки Сеевнгу). Может, и нам достанется!

Сеевнг. Пусть живут и здравствуют молодые супруги. Желаем им иметь много детей и быть полезными своему народу. (Выпивает.)

Все. Пусть сбудется ваше благопожелание.

Чуче. Пожелаем им многих лет счастливой, беззаботной жизни, чтобы их жизнь была полна радости и довольства! (Выпивает.)

Все. Пусть сбудется ваше благопожелание.

Цаган. Адучи и Ногала, где вы? Подойдите к наместнику и ламе. Они вас благословят.

Адучи и Ногала подходят к Чуче и Сеевнгу. Они благословляют их. Лицо Ногалы закрыто покрывалом.

Сеевнг. Это тот самый парень, который участвовал в борьбе?

Джиргал. Да, он победил вашего борца. Господин наместник, это тот самый парень, который получил первый подарок на скачках. Мужички! Сегодня у наместника никакого торжества не будет. Девушка, на которой он собирался жениться, вышла замуж за этого парня. (Снимает с лица Ногалы покрывало.)

Болвсан. Чуче, я покидаю тебя. Я достаточно
натерпелась.

Чуче. Джиргал... Болвсан... (От неожиданности
падает в обморок.)

Джиргал. Говорят, дырявая кибитка губит
семью, а слишком большой самодур губит себя!

Занавес

СЛОВНИК

Арака — водка, приготовленная из коровьего за-
квашенного молока.

Багша — настоятель монастыря.

Бортхо — кожаный сосуд для жидкости, бурдюк.

Визирь — министр.

Гелюнг — священник.

Джиргал — народный поэт, историческое лицо.

Залус — обращение: «мужчины», «мужи».

Зарго — национальный суд.

Зайсанг — дворянин.

Нойон — князь.

Номо — молитва.

«О, хяярхи» — обращение к всевышнему.

Улус — уезд.

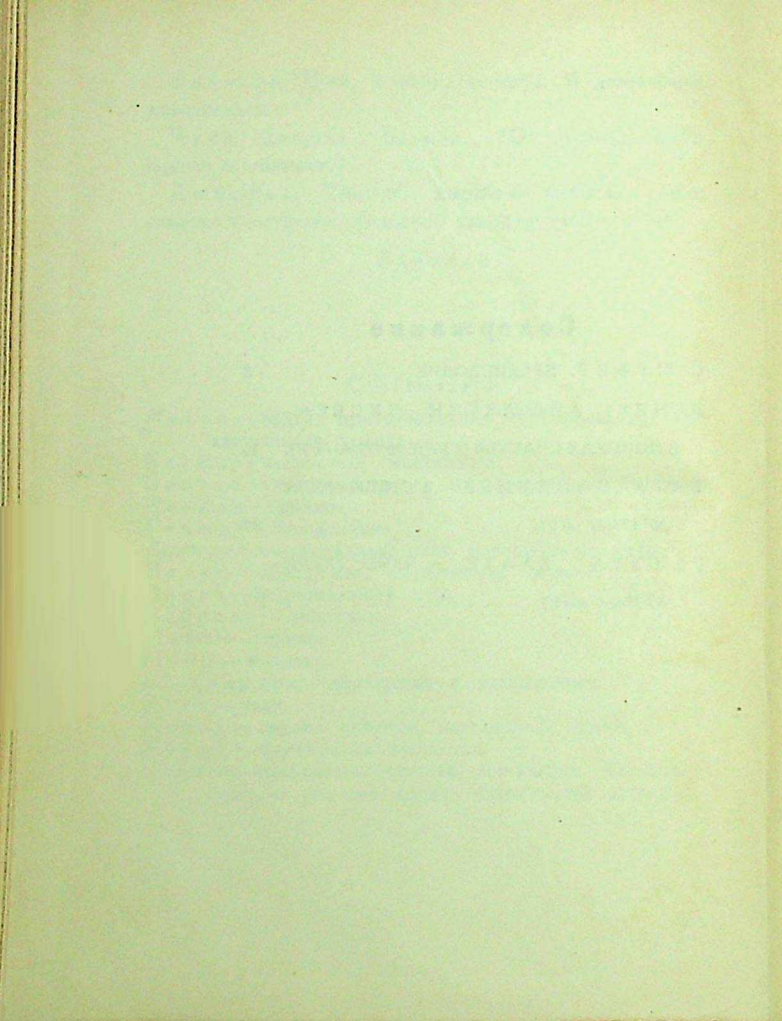
Хотон — группа кибиток, населенный пункт.

Хурул — буддийская молельня.

Чавас — выражение чувства сожаления (в боль-
шинстве случаев носит иронический оттенок).

Содержание

С. ЮРЬЕВ. ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ДЕНДЯН АЙС (АКСЕН СУСЕЕВ)— В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ (ГУРК № 172/40 13/V).	15
БАТА МАНДЖИЕВ — В СТЕПИ (ГУРК № 173/40 13/V).	89
ГАШУТА БААТР — ЧУЧЕ (ГУРК № 174/40 13/V).	157

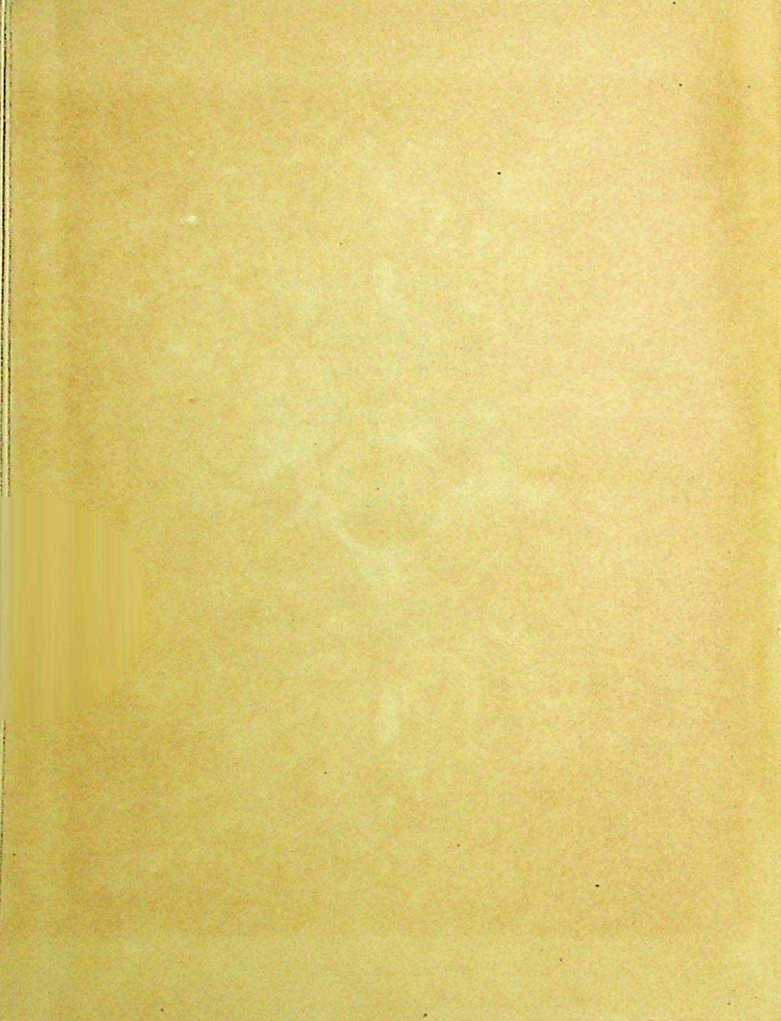

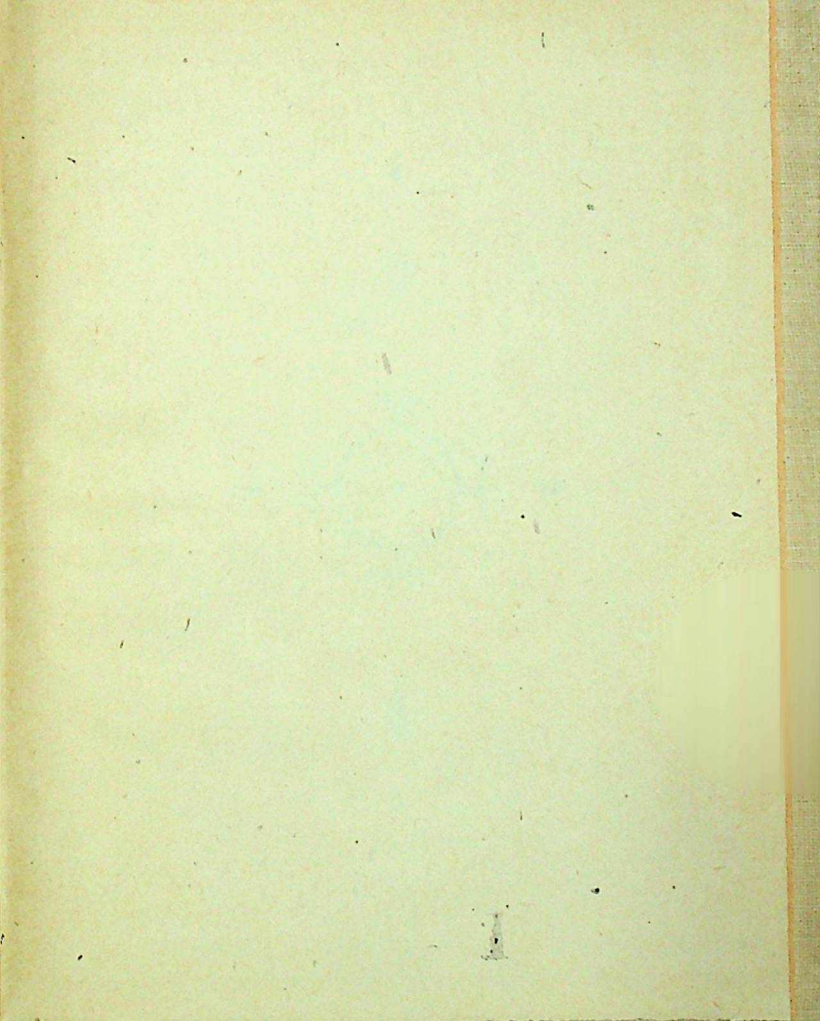
*Редактор С. Кирьянов
Художник Б. Шварц
Технический редактор
Н. Мурашова
Художественный редактор
В. Безпалова*

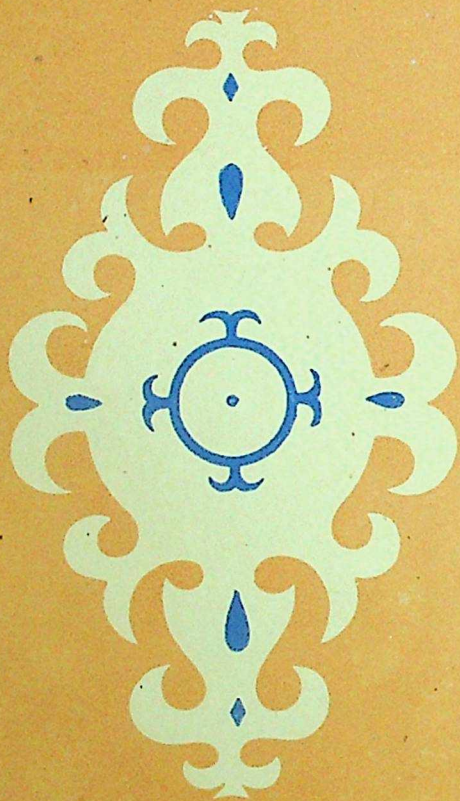
Сдано в набор 4/V 1940 г. Под-
писано к печ. 2/VIII 1940 г. Тираж
2000. Форм. бум. 60 x 92^{1/2} д. л.
Печат. л. 6^{3/4}. Уч.-изд. л. 8,232.
Печат. зн. в 1 п. л. 46592.
Индекс № 501. „Искусство“
№ 2316. Уполн. Главлита
№ А-30137. Заказ № 826.

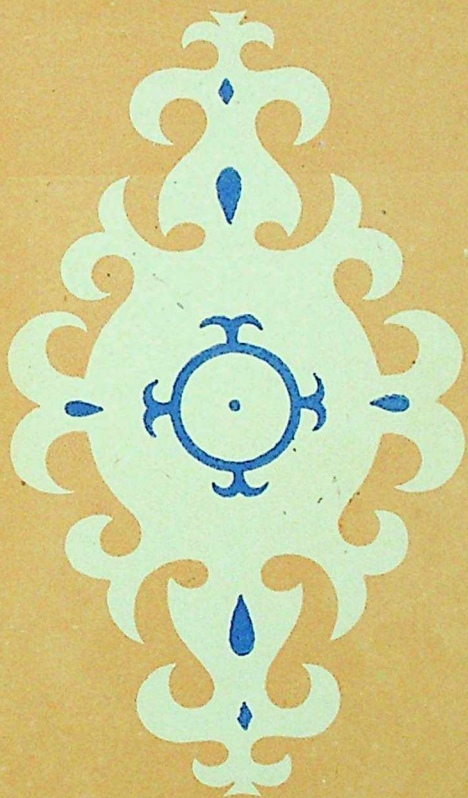
*Цена 4 руб.
Переплет 1 руб. 50 коп.*

Тип. „Красный печатник“ Гос.
изд-ва „Искусство“. Москва.
ул. 25 Октября. 5.

55 p. (2003)